СМОТРИТЕ В КИНОТЕАТРАХ с 7 июля
СТИВЕН КИНГ
МОБИЛЬНИК
Наше время подходит к концу...
16+

Стивен Кинг
Мобильник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138718
Мобильник : [роман]: АСТ: Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-040277-9, 978-5-271-33300-2

Аннотация

Мобильник…

Он есть у каждого – у мужчин и женщин, у стариков и детей.

Но – что, если однажды чья-то злая воля превратит мобильники в источники смерти и ужаса?!

Если десятки тысяч ни в чем не повинных людей в одночасье падут жертвой «новой чумы», передающейся через сотовые телефоны?!

Немногие уцелевшие вступают в битву с кошмаром.

Но чтобы победить Зло, с ним надо встретиться лицом к лицу!

Содержание

Импульс 7
1 7
2 10
3 29
4 47
5 51
6 56
7 58
8 63
9 64
10 67
11 70
12 73
13 82
14 90
15 99
16 101
17 105
18 108
Молден 113
1 113
2 116
3 119

4 125
5 129
6 133
7 137
8 143
9 149
10 155
Конец ознакомительного фрагмента. 158

Стивен Кинг
Мобильник

Посвящается Ричарду Матесону[1] и Джорджу Ромеро[2]

Ид[3] не терпит неудовлетворения. Ид всегда ощущает напряжение нереализованного желания.
Зигмунд Фрейд

Человеческая агрессия инстинктивна. Люди не развили в себе ритуальную агрессию – запретные механизмы, обеспечивающие сохранение вида. По этой причине человек рассматривается как крайне опасное животное.
Конрад Лоренц[4]

---

[1] Матесон Ричард (р. 1926) – известный американский писатель, работающий в том числе в жанре «ужастиков». Зомби (живые мертвецы) и тема конца света достаточно часто встречаются в его произведениях. Помимо книг, написал массу сценариев, в том числе к сериалам «Сумеречная зона» и «Стар трек». – *Здесь и далее примеч. пер.*

[2] Ромеро Джордж (р. 1940) – известный голливудский режиссер, плодотворно разрабатывающий тему зомби, начиная с культового фильма «Ночь живых мертвецов» (1968).

[3] Ид – один из структурных компонентов личности по З. Фрейду.

[4] Лоренц Конрад (1903–1989) – знаменитый австрийский зоолог, один из создателей этологии, науки о поведении животных в естественных условиях. Лауреат Нобелевской премии (1973).

Теперь вы меня слышите?
«Верисон»[5].

Цивилизация скатилась во вторую эпоху темных веков по кровавой дорожке, что в общем-то неудивительно, но со скоростью, какую не мог представить себе даже самый пессимистичный футуролог. Словно только и ждала этого момента. 1 октября Бог пребывал на небесах, индекс Доу-Джонса равнялся 10 140 пунктам, большинство самолетов летело по расписанию (за исключением тех, что приземлялись и взлетали в Чикаго, но ничего другого от этого аэропорта и не ждали). Двумя неделями позже небо вновь принадлежало только птицам, а фондовая биржа стала воспоминанием. К Хэллоуину все крупные города, от Нью-Йорка до Москвы, смердели под пустынными небесами, и воспоминанием стал уже весь мир, каким был прежде.

---

[5] «Верисон» – одна из крупнейших коммуникационных корпораций США.

Импульс

1

Событие, которое стало известно как «Импульс», произошло первого октября в три часа три минуты пополудни, если брать восточное поясное время[6]. Термин, разумеется, неправильный, но через десять часов после события большинство ученых, которые могли бы на это указать, или погибли, или сошли с ума. В любом случае название едва ли имело хоть какое-то значение. В отличие от последствий.

В три часа того же дня в Бостоне, на восток по Бойлстон-стрит, шагал почти вприпрыжку молодой человек, еще не оставивший заметного следа в истории человечества. Звали его Клайтон Ридделл. Чувство глубокой удовлетворенности, которое читалось на его лице, в полной мере гармонировало с пружинистостью походки. В левой руке он держал ручки плоского портфеля с защелками, как у саквояжа, в каких художники носят свои рисунки. Пальцы правой обматывала тесемка, стягивающая горловину коричневого пластикового пакета для покупок с рекламным текстом **«малень-**

---

[6] Поясное время Восточного побережья США. На пять часов позже гринвичского поясного времени.

кие сокровища», который мог прочитать любой, у кого возникало такое желание.

В пакете, который болтался взад-вперед, находился маленький круглый предмет. Подарок, подумали бы вы и не ошиблись. Вы могли бы также предположить, что этот Клайтон Ридделл – молодой человек, который с помощью **«маленького сокровища»** намерен одержать маленькую (может, даже совсем и не маленькую) победу, и вновь попали бы в десятку. В пакете лежало довольно-таки дорогое стеклянное пресс-папье с белым пушистым одуванчиком по центру. Клайтон купил эту вещицу по пути из дорогого отеля «Копли-сквер» в более скромный «Атлантик-авеню инн», где остановился. Его напугала цена, девяносто долларов, указанная на ярлычке, приклеенном к основанию пресс-папье, а еще больше осознание, что он может позволить себе такую покупку.

Ему пришлось призвать на помощь все свое мужество, чтобы протянуть продавщице кредитную карточку. Он сомневался, что решился бы на такое, если бы покупал пресс-папье себе; пробормотал бы что-нибудь насчет того, что передумал, и выскочил бы из магазина. Но пресс-папье предназначалось Шарон. Ей нравились такие безделушки, и она по-прежнему любила Клайтона. «Я буду болеть за тебя, беби», – сказала она ему за день до отъезда в Бостон. Учитывая всю грязь, которую они вылили друг на друга за последний год, эти слова тронули его сердце. И теперь он хотел тронуть ее,

если оставалась такая возможность. Пресс-папье, конечно, вещица маленькая (**«маленькое сокровище»**), но он не сомневался, что ей понравится нежный пух одуванчика в центре стеклянного шара, эдакий крошечный клочок тумана.

2

Звяканье колокольчиков привлекло внимание Клая к небольшому фургону, передвижному магазинчику, торгующему мороженым. Он припарковался напротив отеля «Времена года» (еще более роскошного, чем «Копли-сквер»), рядом с Бостон Коммон[7], городским парком, который занимал два или три квартала по этой стороне Бойлстон-стрит. Борт украшало написанное всеми цветами радуги над двумя пляшущими рожками с мороженым название компании: «МИСТЕР СОФТИ». Трое мальчишек сгрудились у окошка в ожидании сладкого, ранцы с учебниками лежали возле ног. За школьниками стояли женщина в брючном костюме с пуделем на поводке и две девочки-подростка в джинсах с «низкой» талией, с «Ай-подами»[8] и наушниками, которые в тот момент висели на шее, потому что девочки шептались между собой явно о чем-то серьезном, без хихиканья.

Клай встал за ними, превратив маленькую группу в короткую очередь. Он купил подарок жене, с которой еще не развелся, но уже жил врозь, по пути домой намеревался загля-

---

[7] Бостон Коммон – старейший городской парк Соединенных Штатов. Занимает площадь порядка 50 акров. Любимое место отдыха горожан. Всего в Бостоне 215 парков.

[8] «Ай-под» (iPod) – плейер с процессором разработки компании «Эппл» (Apple).

нуть в «Комикс суприм» и приобрести сыну новый номер «Человека-паука». А значит, мог побаловать и себя. Его распирало от желания поделиться новостями с Шарон, но он не мог связаться с ней до ее возвращения домой, в три сорок пять или чуть позже. Он полагал, что ему придется болтаться в гостинице как минимум до телефонного разговора с Шарон, в основном кружа по номеру да поглядывая на защелкнутый портфель. Так что мороженое от «Мистера Софти» обещало более приятное времяпрепровождение.

Продавец обслужил трех мальчишек: два шоколадных батончика «Дилли» и чудовищно большой рожок с шоколадно-ванильным мороженым для богатенького спонсора, который стоял по центру и, очевидно, платил за всех. Пока тот копался в мятых долларовых бумажках, которые достал из кармана модных мешковатых джинсов, рука женщины во «властном костюме»[9], прогуливающей пуделя, нырнула в сумочку на плече, чтобы вновь появиться уже с сотовым телефоном (женщины во «властных костюмах» больше не выходят из дома без сотового телефона, соседствующего с кредитной карточкой «Американ экспресс»). Мгновением позже женщина уже откинула крышку мобильника. За их спинами, в парке, гавкнула собака и закричал человек. В крике

---

[9] «Властный костюм» – униформа молодых карьеристов и карьеристок. Характерный силуэт «властного костюма» для женщин – сильно приталенный пиджак с широкими плечами плюс короткая юбка или брюки. Один из писков моды 2006 г. – «властные костюмы» не из строгих, а из ярких тканей, то есть уже не для работы, а для отдыха.

Клай радости не уловил, но, обернувшись, увидел нескольких людей, прогуливающихся по дорожкам, собаку, которая бежала, зажав в пасти фрисби («Разве их не положено брать на поводок?» – подумал он), акры залитых солнцем зеленых лужаек и манящую тень под деревьями. Парк представлялся идеальным местом, где человек, только что продавший свой первый графический роман[10] и его продолжение (и то и другое за огромную сумму), мог посидеть и съесть рожок с шоколадным мороженым.

Когда Клай повернул голову, трое мальчишек в мешковатых джинсах уже ушли, а женщина во «властном костюме» заказывала сандей[11]. У одной из девочек, что стояли за ней, мобильник цвета перечной мяты висел на бедре, женщина поднесла свой к уху. Клай подумал, как думал всегда, на том или ином уровне сознания, если сталкивался с подобным поведением, что нынче это действо стало нормой, тогда как раньше считалось чуть ли не нестерпимым оскорблением (да, даже если при этом ты проводил маленькую сделку с совершенно незнакомым тебе человеком).

Вставь этот эпизод в «Темного скитальца», милый, сказала ему Шарон. Та ее ипостась, которую он держал в голове, говорила часто и требовала, чтобы ей не мешали высказываться. То же самое отличало и реальную Шарон, и не имело значения, жили они вместе или по отдельности. Но по сото-

---

[10] Графический роман – роман в картинках.

[11] Сандей – мягкий пломбир с сиропом.

вому телефону она ему ничего сказать не могла. Потому что его у Клая не было.

Мобильник цвета перечной мяты заиграл первые аккорды мелодии «Крейзи фрог», которая так нравилась Джонни. Она называлась «Аксель Эф»[12]? Клай не мог вспомнить, возможно, потому, что отсекал такую информацию. Девочка, которой принадлежал телефон, сдернула его с бедра. «Бет? – Послушала, улыбнулась, посмотрела на подругу. – Это Бет». Вторая девочка наклонилась вперед, теперь слушали обе, с одинаковыми прическами под фею (для Клая они выглядели как персонажи мультфильмов, которые показывают утром в субботу, скажем, из «Энергичных девчонок»), которые синхронно покачивались в такт дуновениям послеполуденного ветерка.

– Мэдди? – практически одновременно сказала в трубку женщина во «властном костюме». Пудель самодовольно сидел на конце поводка (красного, посыпанного блестками), глядя на проносящиеся по Бойлстон-стрит автомобили. На другой стороне улицы, у отеля «Времена года», швейцар в коричневой униформе (они всегда одевались в коричневое или синее) махал рукой, вероятно, останавливал такси. «Утка»[13], набитая туристами, проехала мимо, высоченная, та-

---

[12] Аксель Эф – исполнитель «Крейзи фрог».

[13] «Утка» – переделанная под туристический автобус амфибия времен Второй мировой войны (посылались в СССР по ленд-лизу). Обзорные экскурсии по Бостону включают и водные участки.

кая неуклюжая на суше, водитель рассказывал в микрофон о чем-то историческом. Две девочки, которые слушали мобильник цвета перечной мяты, переглянулись, дружно заулыбавшись чему-то из услышанного, но не захихикали.

– Мэдди? Ты меня слышишь? Ты…

Женщина во «властном костюме» подняла руку, в которой держала поводок, и всунула палец с длинным ногтем в свободное ухо. Клай поморщился, опасаясь за барабанную перепонку женщины. Представил себе, как рисует ее: собака на поводке, «властный костюм», модная короткая стрижка… и маленькая струйка крови, вытекающая из-под пальца в ухе. «Утка», проезжающая мимо, и швейцар на заднем плане. Такие детали всегда прибавляли картинке достоверности. Конечно же, их видел каждый.

– Мэдди, ты куда-то пропадаешь! Я только хотела тебе сказать, что постриглась в этой новой… постриглась… ПОСТ…

Продавец в «Мистере Софти» наклонился вперед и протянул женщине стакан с сандеем. Из стакана поднимался белый Монблан, залитый по бокам шоколадным и клубничным сиропом. Бородатое лицо продавца оставалось бесстрастным. Оно говорило о том, что он все это уже видел. Клай не сомневался, что видел, и скорее всего не раз. В парке кто-то закричал. Клай опять обернулся, говоря себе, что это должен быть крик радости. В три часа пополудни, в солнечный день, в лучшем бостонском парке могли кричать только от

радости. Ведь так?

Женщина сказала Мэдди что-то неразборчивое, отработанным движением кисти закрыла мобильник. Бросила в сумочку и застыла, просто стояла, словно забыла, что она здесь делает, а может, и где находится.

– С вас четыре доллара пятьдесят центов. – Продавец терпеливо держал в вытянутой руке стакан с сандеем. Клай еще успел подумать, до чего же все дорого в этом гребаном городе. Возможно, и женщине во «властном костюме» пришла в голову та же мысль (такое предположение, во всяком случае, возникло у Клая прежде всего), потому что еще мгновение она стояла не шевелясь, просто смотрела на стакан с возвышающейся над ним горой мороженого с залитыми сиропом склонами, как будто никогда не видела ничего подобного.

Новый крик донесся из Коммон, на этот раз уже не человеческий, нечто среднее между изумленным взвизгом и скулежом боли. Обернувшись на этот раз, Клай увидел ту самую собаку, которая несла в пасти фрисби. Собака была большая, с коричневой шерстью, возможно, лабрадор, в породах Клай не разбирался, если ему требовалось нарисовать собаку, он брал иллюстрированный справочник и находил картинку, которая требовалась. Мужчина в деловом костюме стоял рядом с собакой на коленях, крепко держал за шею и (*Конечно же, я не вижу того, что, как мне кажется, вижу*, сказал себе Клай)… грыз собачье ухо. Собака опять взвизгнула от боли и попыталась вырваться. Мужчина держал ее

крепко и, да, собачье ухо было у него во рту, а потом, на глазах Клая, мужчина ухо оторвал. Тут уж собака взвыла совсем как человек, и несколько уток, которые плавали в соседнем прудике, крякая, поднялись в воздух.

– *Ар-р!* – крикнул кто-то за спиной Клая. Вроде бы прозвучало как «Пар!». А может, *бар* или даже *барк*, но увиденное позже привело к мысли, что прокричали именно «ар-р». Не слово, а что-то нечленораздельное, агрессивное.

Он успел повернуться к магазинчику на колесах, чтобы увидеть, как женщина во «властном костюме» всунулась в раздаточное окошко, чтобы добраться до продавца. И ей таки удалось ухватиться за складки его свободного покроя белой блузы. Но одного шага назад, продавец сделал его от неожиданности, хватило, чтобы оторвать женщину от блузы. Ее высокие каблуки на считанные мгновения поднялись над тротуаром, Клай услышал шуршание материи, щелчки пуговиц о прилавок перед раздаточным окошком, когда пиджак на груди женщины сперва проехался вверх по прилавку, а потом вниз.

Сандей исчез из виду. Клай увидел пятна мороженого и сиропа на левом запястье и локте женщины, когда ее каблуки вновь цокнули об асфальт. Она покачнулась, колени ее подогнулись. И если раньше Клай видел перед собой отстраненную, хорошо воспитанную, ставящую себя выше других женщину (как он понимал, уличную маску), то теперь прежнее выражение лица уступило место конвульсивной злобе,

которая превратила глаза в щелочки и выставила напоказ как верхние, так и нижние зубы. Верхняя губа вздернулась к носу, открыв внутреннюю бархатистую розовую поверхность, такое же интимное местечко, как и влагалище. Пудель выбежал на мостовую, таща за собой красный поводок с петлей для руки на конце. Проезжавший мимо черный лимузин раздавил пуделя, прежде чем тот успел пересечь вторую полосу движения. В одно мгновение пушистый комок превратился в кровавое месиво на асфальте.

Бедняга, возможно, уже лаял в собачьем раю еще до того, как понял, что умер, подумал Клай. Он понимал, что в каком-то смысле состояние у него шоковое, но все это ни в коей мере не отражалось на степени его изумления. Портфель оттягивал одну руку, коричневый пластиковый пакет – вторую, а нижнюю челюсть потянуло к земле собственным весом.

Где-то, если судить по звуку – за углом, на Ньюбери-стрит, что-то взорвалось.

Если прически у девочек с «Ай-подами» были одинаковыми, то цвет волос – нет. Хозяйка мобильника цвета перечной мяты была блондинкой, ее подруга – брюнеткой, феи Светлая и Темная. И вот теперь фея Светлая бросила свой телефон на тротуар – от удара он разбился, и схватила женщину во «властном костюме» за талию. Клай предположил (если он еще мог что-то предполагать), что она хочет остановить женщину, не позволить ей ни вновь попытаться схва-

тить продавца мороженого, ни броситься на мостовую за собакой. В этот момент какая-то часть его сознания даже зааплодировала хладнокровию девочки. Ее подруга, фея Темная, попятилась от них, широко раскрыв глаза и сцепив маленькие побледневшие ручки между грудок.

Клай выронил предметы, которые держал в руках, портфель – по одну сторону от себя, пластиковый пакет – по другую, и шагнул вперед, чтобы помочь фее Светлой. На другой стороне улицы (он увидел это краем глаза) автомобиль развернуло и вынесло на тротуар перед отелем «Времена года». Швейцару пришлось отскакивать в сторону, чтобы не угодить под колеса. Из переднего дворика отеля донеслись крики. Но прежде чем Клай подоспел, чтобы помочь фее Светлой удерживать женщину во «властном костюме», девочка с невероятной скоростью, сравнимой с броском змеи, вскинула голову, потянулась вверх, ощерила, несомненно, крепкие юные зубки и вонзила их в шею женщины. Кровь хлынула струей. Девочка-фея подставила под нее лицо, не только умылась кровью, но, возможно, даже хлебнула ее (Клай практически не сомневался, что хлебнула) и начала трясти женщину во «властном костюме», как куклу. Женщина была выше девочки и тяжелее фунтов на сорок, но девочка трясла ее так сильно, что голова женщины моталась взад-вперед, отчего кровь хлестала все сильнее. И тут же фея Светлая вскинула залитое кровью лицо к ярко-синему октябрьскому небу, и из ее груди исторгся дикий, торжествующий вопль.

Она рехнулась, подумал Клай. *Совершенно рехнулась*.

– Ты кто? – выкрикнула фея Темная. – Что происходит?

Услышав голос подруги, фея Светлая повернула залитую кровью голову на звук. Кровь капала с короткой челки надо лбом. Глаза превратились в белые круги на кровавом фоне глазниц.

Фея Темная смотрела на Клая широко раскрытыми глазами.

– Ты кто? – повторила она… и добавила: – Кто я?

Фея Светлая отпустила женщину во «властном костюме», и та повалилась на тротуар с прогрызенной сонной артерией, из которой продолжала течь кровь, а сама прыгнула на подругу, с которой несколькими мгновениями раньше делила сотовый телефон.

Клай ни о чем не думал. Если бы начал думать, фее Темной вскрыли бы сонную артерию точно так же, как и женщине во «властном костюме». Он даже не смотрел. Потянулся вниз и вправо, ухватил за верхнюю часть пластиковый пакет с надписью **«маленькие сокровища»** и ударил мешком по затылку феи Светлой, когда та, вытянув перед собой руки (пальцы на фоне синего неба напоминали когти чайки, изготовившейся схватить рыбу), практически добралась до бывшей подруги. Если бы он промахнулся…

Он не промахнулся, не получилось и удара по касательной. Пакет со стеклянным пресс-папье со всей силой опустился на затылок феи Светлой. Глухо чавкнуло, руки феи

Светлой повисли как плети, одна – вся в крови, вторая – чистая, и она упала у ног подруги, как мешок с почтовой корреспонденцией.

– Что за чертовщина? – прокричал продавец неестественно пронзительным голосом. Возможно, шок превратил его в тенора.

– Не знаю. – Сердце у Клая стучало как паровой молот. – Помогите мне. Эта женщина истекает кровью.

Из-за угла, с Ньюбери-стрит, послышался сильный удар, сопровождаемый скрежетом металла, характерным для столкновения автомобилей, за ним последовали громкие крики. Позади фургона «Мистер Софти» еще один автомобиль пересек три полосы движения Бойлстон-стрит и оказался в переднем дворике отеля «Времена года», по пути сбил двух человек и врезался в багажник первого автомобиля, который стоял, впечатавшись передним бампером и капотом во вращающуюся дверь. Этот тычок продвинул первый автомобиль вперед. Вращающаяся дверь погнулась еще сильнее. Клай не видел, придавило там кого или нет: все застилали клубы пара, поднимающиеся над пробитым радиатором первого автомобиля. Но крики агонии, доносившиеся оттуда, предполагали плохое. Очень плохое.

Продавец – его отсекал от отеля глухой борт фургона – высунулся из раздаточного окошка, таращась на Клая.

– Да что там происходит?

– Не знаю. Пара автомобильных аварий. Пострадали лю-

ди. Не важно. Помогите мне. – Он опустился на колени около женщины во «властном костюме» и розовых обломков[14] мобильника феи Светлой. Подергивания женщины слабели.

– Дым над Ньюбери, – отметил продавец, который и не думал покидать свой относительно безопасный магазин на колесах. – Что-то там взорвалось. Что-то крупное. Может, террористы.

Едва это слово сорвалось с губ продавца, Клай сразу же согласился с его версией.

– Помогите мне, – повторил он.

– КТО Я? – внезапно прокричала фея Темная.

Клай совершенно про нее забыл. Когда поднял голову, увидел, как девочка ударила себя по лбу ребром ладони. Потом трижды быстро повернулась вокруг оси на мысках теннисных туфель. Увиденное вызвало из памяти стихотворение, которое они изучали в колледже на курсе литературы: «Тройной круг сплети вокруг него». Кольридж[15], не так ли? Девочка покачнулась, побежала по тротуару, прямиком на фонарный столб. Не попыталась увернуться, даже не выставила перед собой руки. Ударилась лицом, ее отбросило назад, она покачнулась, потом вновь врезалась в фонарный столб.

– Прекрати! – проревел Клай. Вскочил, побежал к ней, поскользнулся на крови женщины во «властном костюме»,

---

[14] Листья у перечной мяты светло-зеленые, салатовые, цветки – розовые.

[15] Кольридж Сэмюэль Тейлор (1875–1912) – английский (шотландский) поэт.

чуть не упал, удержался на ногах, споткнулся о фею Светлую, снова чуть не упал.

Фея Темная повернулась к нему лицом. Нос сломан, кровь струится по нижней части лица. Шишка на лбу, увеличивающаяся, как грозовое облако в летний день. Один глаз «сошел с орбиты», закатился под веко. Она открыла рот (плоды дорогостоящих трудов ортодонта пошли прахом) и рассмеялась ему в лицо. Смех этот остался в его памяти навсегда.

А потом, крича, побежала по тротуару.

За спиной Клая заурчал мотор, и колокольчики начали вызванивать мелодию «Улицы Сезам». Он повернулся и увидел, что «Мистер Софти» торопливо отъезжает от тротуара. В этот самый момент на верхнем этаже отеля, который высился на противоположной стороне улицы, вдребезги разлетелось окно. Человеческое тело вылетело в октябрьский день. Упало на тротуар, где какие-то его части разлетелись в разные стороны, какие-то остались на месте. Из переднего дворика донеслись новые крики. Ужаса. Боли.

– *Нет!* – Клай по тротуару побежал за магазинчиком на колесах. – *Нет, вернитесь и помогите мне. Мне нужна помощь, сукин ты сын!*

Продавец, ставший водителем, ничего не ответил, может, не услышал Клая за звяканьем колокольчиков. Клай мог вспомнить слова этой мелодии, из того времени, когда у него не было оснований думать, что его семейная жизнь может дать трещину. В те дни Джонни смотрел «Улицу Сезам» каж-

дый день, сидя в своем маленьком стульчике, сжимая в руках поильник. Что-то насчет солнечного дня, когда облаков нет и в помине.

Мужчина в деловом костюме выбежал из парка, во весь голос вопя что-то нечленораздельное. Полы пиджака развевались за спиной, как крылья. Клай узнал его по «бородке» из собачьей шерсти. Пересек улицу, не обращая внимания на транспорт. Автомобили объезжали его, несколько раз он просто чудом не оказался под колесами. Но добрался до противоположного тротуара, продолжая вопить и размахивать руками. Исчез в тенях под навесом над передним двориком отеля «Времена года». Клай его больше не видел, но, должно быть, мужчина вновь на кого-то набросился, потому что криков в переднем дворике прибавилось.

Клай сдался, отказавшись от дальнейшего преследования «Мистера Софти», остановился, одной ногой на тротуаре, второй – в сливной канаве, наблюдая, как магазин на колесах, все еще звякая колокольчиками, выезжает на среднюю полосу движения Бойлстон-стрит. И уже собирался повернуться к лежащей без сознания девочке и умирающей женщине, когда на улице появилась еще одна «утка». Эта не «плыла», а мчалась на полной скорости, в реве двигателя, ее так и качало с борта на борт. Некоторые пассажиры, их безжалостно мотало из стороны в сторону, жалобно скулили, умоляя водителя остановиться. Другие просто держались за металлические стойки по открытым бортам этого неуклюже-

го уродца, который продвигался по Бойлстон-стрит.

Мужчина в футболке схватил водителя сзади, и Клай вновь услышал тот самый нечленораздельный, агрессивный крик, только теперь усиленный примитивной системой громкой связи «утки», прозвучавший, когда водитель движением плеч отбросил от себя мужчину. На этот раз не совсем «Ар-р» – что-то более гортанное вроде «Гр-р!». А мгновением позже водитель «утки» увидел «Мистера Софти» (Клай мог в этом поклясться) и изменил курс, заходя на цель.

– Господи, пожалуйста, нет! – закричала женщина, которая сидела в передней части «утки», выбиравшей последние ярды, отделявшие амфибию от магазинчика на колесах, торгующего мороженым и в шесть раз уступающего «утке» в размерах. Клай отлично помнил праздничный парад, который смотрел по телевизору в год победы «Ред сокс» в чемпионате страны по бейсболу[16]. Команда сидела в процессии медленно движущихся «уток» и махала руками восторженной толпе, не обращающей ни малейшего внимания на холодный моросящий осенний дождь.

– Господи, пожалуйста, нет! – вновь взвизгнула женщина, а рядом с Клаем раздался мужской голос, кроткий и тихий: «Господи Иисусе».

«Утка» ударила фургон и отбросила, как детскую игруш-

---

[16] Эта победа, первая после 1918 г., была одержана в 2004 году. О том победном сезоне Стивен Кинг в соавторстве с журналистом Стюартом О'Наном написал книгу «Верный» (Faithful). Публикация русскоязычного перевода книги планируется издательством «АСТ» в 2006 г.

ку. Фургон приземлился на борт, его громкоговорители продолжали вызванивать мелодию «Улицы Сезам», и заскользил обратно к Коммон, высекая фонтаны искр – результат трения металла об асфальт. Две женщины, которые наблюдали за происходящим с тротуара, бросились прочь, держась за руки, и с трудом успели увернуться. Фургон «Мистер Софти» ударился о бордюрный камень, на какие-то мгновения поднялся в воздух, потом врезался в железный забор, отделяющий парк от тротуара, и замер. Музыка дважды икнула и смолкла.

Тем временем псих, сидящий за рулем «утки», потерял последние остатки контроля над вверенным ему транспортным средством. «Утку» понесло поперек Бойлстон-стрит под дикие крики перепуганных туристов, цепляющихся за стойки по открытым бортам. Амфибия выехала на противоположный тротуар в пятидесяти ярдах от того места, где «Мистер Софти» последний раз звякнул колокольчиками, и врезалась в низкую кирпичную стену под панорамной витриной магазина фешенебельной мебели «Огни города». С громким немузыкальным треском витрина разлетелась вдребезги. Широкий зад «утки» (с надписью «ХОЗЯЙКА БУХТЫ» розовыми буквами) поднялся на пять футов. Инерция стояла за то, чтобы перевернуть амфибию. Масса этого не допустила. Задние колеса вновь коснулись тротуара, «утка» застыла, зарывшись носом в дорогущие диваны и стулья для гостиной, но уже после того, как порядка двенадцати чело-

век продолжили поступательное движение, исчезнув как с борта «утки», так и из виду. В недрах «Огней города» завыла охранная сигнализация.

– Господи Иисусе, – повторил кроткий голос у правого локтя Клая. Он повернулся и увидел невысокого мужчину, с редеющими темными волосами, крошечными черными усиками и в очках с золотой оправой. – Что происходит?

– Не знаю, – ответил Клай. Разговор давался ему с трудом. С большим трудом. Он обнаружил, что слова приходится выталкивать из себя. Предположил, что причина – шок. По другой стороне улицы бежали люди, одни из отеля «Времена года», другие из разбитой «утки». У него на глазах мужчина, покинувший борт «утки» на своих двоих, лоб в лоб столкнулся с мужчиной, выбежавшим из отеля. От удара оба рухнули на тротуар. Клаю не оставалось ничего другого, как задаться вопросом: а может, он сошел с ума и видит галлюцинации, запертый в палате какого-нибудь дурдома? Скажем, Джунипер-Хилл[17] в Огасте, между уколами торазина. – Парень из этого вот магазинчика мороженого сказал, может, террористы.

– Я не вижу людей с оружием, – указал невысокий мужчина с усами. – Или парней с бомбами в рюкзаках.

Не мог углядеть их и Клай, зато видел свои пакет для покупок с надписью **«маленькие сокровища»** и портфель с ри-

---

[17] Джунипер-Хилл – психиатрическая лечебница, неоднократно упоминавшаяся в произведениях Стивена Кинга.

сунками, стоящие на тротуаре. И кровь, которая, вытекая из прогрызенной шеи женщины во «властном костюме» (*Боже*, подумал он, *как много крови*), почти добралась до портфеля. В нем осталась всего лишь дюжина рисунков к «Темному скитальцу», но, конечно, рисунки эти тут же заняли все его мысли. Быстрым шагом он направился к портфелю. Невысокий мужчина не отставал. Когда включилась вторая охранная (может, и какая другая) сигнализация, добавив хрипловатой резкости к трескотне первой, коротышка подпрыгнул.

– Это в отеле, – уточнил Клай.

– Я знаю, просто… Боже. – Он увидел женщину во «властном костюме», теперь лежащую в озере волшебного вещества, которое вращало все ее шестеренки… когда? четыре минуты назад? или две?

– Она мертва. – Клай вздохнул. – Во всяком случае, я практически уверен, что она мертва. Эта девочка… – Он указал на фею Светлую. – Она это сделала. Зубами.

– Вы шутите.

– Хотелось бы.

Дальше по Бойлстон-стрит что-то громыхнуло. Мужчины вздрогнули. Клай понял, что до него доносится запах дыма. Он поднял с асфальта пакет **«маленькие сокровища»** и портфель, переставил подальше от лужи крови, все увеличивающейся в размерах.

– Это мое. – Еще произнося слова, удивился, что счел необходимым объяснять свои действия.

Коротышка в твидовом костюме (*Одет-то он с иголочки,* подумал Клай) все еще с ужасом смотрел на лежащее на тротуаре тело женщины, которая остановилась, чтобы купить мороженое, и потеряла сначала собаку, а потом и жизнь. Трое молодых парней пробежали мимо них по тротуару. Смеялись, издавали восторженные крики. Двое в бейсболках «Ред сокс», повернутых козырьком назад. Один нес картонную коробку с напечатанной синим надписью **«Panasonic»** на боковой поверхности. Он-то и наступил правой кроссовкой в разливающуюся по асфальту кровь женщины во «властном костюме» и какое-то время оставлял за собой сходящий на нет одноногий след. Вся троица продолжила путь к восточному краю Коммон и лежащему за парком Чайнатауну.

3

Клай опустился на одно колено и свободной рукой, той, что не сжимала ручки портфеля (увидев парня, бегущего с коробкой **«Panasonic»,** он все больше тревожился из-за того, что может потерять портфель), взял фею Светлую за запястье. Пульс нащупал сразу. Медленный, но сильный и регулярный. Почувствовал огромное облегчение. Чего бы ни сделала девочка, она была всего лишь ребенком. Не хотелось думать, что он убил ее ударом стеклянного пресс-папье, купленного в подарок жене.

– Посмотрите, посмотрите, – чуть ли не пропел усатый коротышка. Смотреть у Клая времени не было. К счастью, в этот раз быстрота реакции значения не имела. Автомобиль, один из тех большущих внедорожников, что льют воду на мельницу ОПЕК, свернул с Бойлстон-стрит как минимум в двадцати ярдах от того места, где он опустился на колено, снес секцию железного забора и нашел покой, въехав передним бампером в пруд для уток.

Дверца распахнулась, из салона вышел молодой парень, что-то выкрикнув в небо, упал на колени в воду, зачерпнул часть сложенными лодочкой руками и отправил в рот (в голове Клая мелькнула мысль, что утки многие годы радостно срали в этот пруд), потом поднялся и побрел к дальнему берегу. Исчез среди деревьев, размахивая руками и выкрики-

вая что-то нечленораздельное.

– Нам нужно помочь этой девочке. – Клай повернулся к невысокому мужчине. – Она без сознания, но жива.

– Нам нужно убраться с этой улицы, прежде чем нас задавят насмерть, – ответил мужчина, и словно в доказательство его слов такси врезалось в длинный лимузин неподалеку от заехавшей в мебельный магазин «утки». Лимузин тоже пострадал, но досталось в основном такси. Клай увидел, как водитель вылетел через проем на месте лобового стекла (само стекло вылетело раньше) и приземлился на тротуаре, прижимая к груди окровавленную руку и крича.

Конечно же, правота была на стороне усатого мужчины. Здравомыслие – те его крупицы, которым удавалось прорваться сквозь туман шока, застилавшего разум Клая – однозначно говорило о том, что на данный момент оптимальный вариант действий – покинуть Бойлстон-стрит и где-нибудь укрыться. Если происходящее вокруг – дело рук террористов, то ничего подобного он никогда не видел и о таком не читал. Поэтому ему (*им*) следует лечь на дно и не высовываться, пока ситуация не прояснится. Неплохо бы добраться и до телевизора, чтобы узнать, что происходит в других местах. Но ему не хотелось оставлять потерявшую сознание девочку на улице, которая вдруг превратилась в сумасшедший дом. Его душа (и, само собой, цивилизованность) противилась этому всеми фибрами.

– Вы идите. – Слова эти он произнес с неохотой. Да, он

впервые видел этого коротышку, но тот по крайней мере не нес белиберду и не размахивал руками. И не бросался на Клая, оскалив зубы. – Укройтесь где-нибудь. А я… – Он не знал, как закончить фразу.

– Вы что? – спросил усатый, потом поник плечами, и его передернуло, потому что раздался еще один взрыв. На этот раз из-за отеля. Оттуда повалил черный дым, начал подниматься, пятная синее небо, наконец, забрался на такую высоту, что его подхватил ветер и понес прочь.

– Я позвоню копам, – внезапно осенило Клая. – У нее есть сотовый. – Он ткнул пальцем в женщину во «властном костюме», которая уже мертвой лежала в луже собственной крови. – Она звонила по нему перед тем… вы понимаете, аккурат перед тем, как началось все…

Он замолчал, восстанавливая в памяти последовательность событий, предшествующих всему этому безобразию. Взгляд его переместился от мертвой женщины к потерявшей сознание девочке, потом к цвета перечной мяты обломкам мобильника потерявшей сознание девочки.

Вдали в двух тональностях завыли сирены. Клай решил, что одна разновидность сирен установлена на патрульных машинах, а вторая – на пожарных. Он полагал, что жители Бостона различали эти тональности без труда, но он-то жил в Кент-Понде, штат Мэн, и всем своим сердцем хотел оказаться там прямо сейчас.

А случилось, перед тем как началось все это безобразие,

следующее: женщина во «властном костюме» позвонила своей подруге Мэдди, чтобы сообщить, что она постриглась, а фее Светлой позвонила одна из подружек. И фея Темная слушала последний разговор. После этого все три сошли с ума.

Ты же не думаешь…

У них за спинами, на востоке, грохнуло, как никогда раньше: словно кто-то выстрелил из гигантского ружья. Клай вскочил. Он и коротышка в твидовом костюме сначала переглянулись, потом посмотрели в сторону Чайнатауна и бостонского Норт-Энда. Что там взорвалось, они увидеть не могли, но теперь в той стороне над зданиями поднималось большущее облако черного дыма.

Пока они смотрели на дым, к отелю «Времена года» на противоположной стороне улицы подъехали радиофицированная патрульная машина бостонского полицейского управления и пожарная с раздвижной лестницей. Клай, подняв голову, увидел, как еще один человек выпрыгнул из окна последнего этажа отеля, потом двое полетели уже с крыши. Клаю показалось, что последние норовили ударить друг друга и по пути вниз.

– *Иисус, Мария, Иосиф… НЕТ!* – заголосила какая-то женщина. – *НЕТ! ХВАТИТ! ХВАТИТ!*

Первый из самоубийц упал на заднюю часть патрульной машины, запачкал багажник волосами и ошметками мозгов, выбил заднее стекло. Двое других рухнули на капот и лестницу пожарной машины. Пожарные в ярко-желтых плащах

разбежались в разные стороны, словно огромные птицы.

– Нет! – кричала женщина. – ХВАТИТ! ХВАТИТ! *Дорогой ГОСПОДЬ, ХВАТИТ!*

Но вниз, кувыркаясь, как акробат, уже летела женщина с пятого или шестого этажа. Приземлилась на полицейского, который стоял задрав голову. Убила его и погибла сама.

Очередной мощный взрыв раздался на севере, словно дьявол в аду продолжал палить из ружья. Вновь Клай посмотрел на коротышку и наткнулся на его озабоченный взгляд. Все больше дыма поднималось над городом и, несмотря на ветер, небесная синева чуть ли не везде окрасилась в черное.

– Они опять используют самолеты, – сказал коротышка. – Эти паршивые мерзавцы опять используют самолеты.

Словно подтверждая его слова, третий чудовищный взрыв прогремел на северо-востоке.

– Но… там же Логан[18]. – Клаю снова стало трудно говорить и еще труднее думать. В голове вертелась только одна глупая шутка: *Ты слышал анекдот про (сюда вставляют любимую этническую группу) террористов, которые решили поставить Америку на колени, взорвав аэропорт?*

– И что? – резко спросил коротышка.

– Тогда почему не Хэнкок-Билдинг[19]? Почему не Пру[20]?

---

[18] Логан – международный аэропорт Бостона.

[19] Хэнкок-Билдинг – высотное административное здание, названное в честь Джона Хэнкока (1737–1793), бостонского купца, одного из лидеров борьбы за независимость английских колоний в Северной Америке. Как председатель Континентального конгресса, первым поставил свою подпись под Декларацией неза-

Коротышка сник.

– Не знаю. Мне понятно только одно: я хочу убраться с улицы.

Похоже, не он один придерживался такого мнения. Еще полдюжины молодых людей пробежали мимо них. Бостон – город молодежи, напомнил себе Клай, здесь так много колледжей… Эти шестеро, трое юношей и три девушки, хотя бы не тащили награбленное и определенно не смеялись. На бегу один из юношей вытащил из кармана мобильник и поднес к уху.

Клай посмотрел на другую сторону улицы и увидел вторую черно-белую патрульную машину, которая подъехала и остановилась рядом с первой. Необходимость воспользоваться сотовым телефоном женщины во «властном костюме» отпала (и его это только порадовало, поскольку он уже пришел к выводу, что иметь дело с мобильником ему совершенно не хочется). Теперь же он мог просто перейти Бойлстон-стрит и поговорить с копами, да только сомневался, что при сложившихся обстоятельствах решится перейти на другую сторону улицы. А если бы и перешел, пошли бы они сюда, чтобы взглянуть на лежащую без сознания девочку, если по городу количество раненых и травмированных наверняка превзошло все разумные пределы? У него на глазах по-

---

висимости.

[20] Пру (Пруденшл тауэр) – административно-торгово-жилой комплекс. Хэнкок-Билдинг и Пру – два самых высоких здания Бостона.

жарные начали переводить оборудование в походное состояние. Похоже, собирались ехать в другое место. Скорее всего в аэропорт Логан или…

– Господи Иисусе, остерегайтесь этого типа, – прервал его размышления голос усатого коротышки. Клай посмотрел на запад, на центр города, откуда шел, когда думал, что сейчас главное для него – связаться с Шарон по телефону. Он даже решил, как начать разговор: *Хорошие новости, милая… уж не знаю, как у нас все сложится, но деньги на башмаки для мальчонки будут всегда*. В его голове эта фраза звучала такой легкой и забавной… как в давние времена.

Нынче же ничего забавного не было. К ним приближался (не бежал, но шел большими, решительными шагами) мужчина лет пятидесяти. В брюках от костюма и остатках рубашки и галстука. Брюки были серыми. Определить цвет галстука и рубашки не представлялось возможным, потому что оставшиеся от них лохмотья покрывала кровь. В правой руке мужчина держал, как показалось Клаю, разделочный нож с лезвием длиной восемнадцать дюймов. Клай вдруг понял, что видел этот нож в витрине магазина «Душа кухни», когда возвращался из отеля «Копли-сквер». Ножи разных размеров (перед ними стояла металлическая табличка с выгравированными на ней словами: **«ШВЕДСКАЯ СТАЛЬ!»**) красиво поблескивали благодаря искусной подсветке, но это лезвие поработало на совесть (или без совести) после освобождения из замкнутого пространства витрины и теперь по-

тускнело от крови.

Мужчина в изорванной рубашке, размахивая ножом, приближался к ним все теми же решительными шагами, лезвие, словно маятник, выписывало в воздухе короткие дуги. Лишь однажды он прервал упорядоченную последовательность движений, чтобы полоснуть ножом себя. И новый ручеек крови побежал через еще одну дыру в рубашке. Когда дистанция между ними сократилась до минимума, он обратился к ним, как вышедший из пустыни проповедник, говорящий на языке, ведомом только ему и божественной силе, от которой он услышал это откровение.

– Глазлаб! – крикнул он. – И-и-и-лах-и-и-и-лах-а-баббалах наз! А-баббалах почему? А-банналу кой? Каззалах! Каззалах-Кан! Фай! Шай-фай! – Рука с ножом пошла вниз, к правому бедру, потом за него, и Клай (с его чрезмерно развитым визуальным воображением) сразу понял, что за этим последует размашистый удар. В живот, на ходу, который не прервет этот безумный марш в никуда через вторую половину октябрьского дня, не заставит сбиться с широкого, решительного шага.

– Берегись! – крикнул усатый коротышка, но сам-то он не берегся, этот усатый коротышка, первый *нормальный* человек, с которым заговорил Клай Ридделл, после того как началось все это безумие (который, если уж на то пошло, заговорил *с ним*, а для этого требовалось мужество, учитывая обстоятельства), застыл на месте, его глаза за линзами в зо-

лотой оправе стали еще больше. И этот безумец направлялся к нему, решив, что из двоих мужчин усатый был меньше ростом, а потому являл собой более легкую добычу? Если так, то, возможно, этот мистер Говорим-на-разных-языках не был таким уж и безумцем. И внезапно к испугу, который испытывал Клай, присоединилась злость, та самая злость, которая могла бы его охватить, если бы, стоя у школьного забора, он увидел, как один из местных хулиганов собирается учить жизни мальчишку, который меньше и младше его.

– БЕРЕГИСЬ! – буквально завопил усатый коротышка, по-прежнему не двигаясь с места, а его смерть уже спешила к нему, смерть, освобожденная из витрины магазина «Душа кухни», в котором, несомненно, принимали кредитные карточки «Дайнерс клаб» и «Виза», а также личные чеки, если к ним прилагалась банковская карточка.

Клай не раздумывал. Просто подхватил портфель за обе ручки и сунул его между поднимающимся по дуге ножом и своим новым знакомым в твидовом костюме. Нож пробил портфель, но его острие остановилось в четырех дюймах от живота коротышки. А тот наконец-то вышел из транса и попятился к Коммон, во весь голос пронзительно зовя на помощь.

Мужчина в лохмотьях рубашки и галстука (кожа на щеках и шее начала отвисать, словно пару лет назад его личное уравнение между калорийной пищей и интенсивными физическими упражнениями превратилось в неравенство) резко

оборвал свой понятный только ему монолог. На лице отразилось тупое недоумение, не перешедшее, правда, ни в удивление, ни тем более в изумление.

А Клая захлестнула ярость. Лезвие проткнуло картины «Темного скитальца» (для него это были картины, не рисунки, не иллюстрации), и ему казалось, что, протыкая портфель с рисунками, лезвие это вонзилось в особый уголок его сердца. Реакция, конечно же, была неадекватной, учитывая, что у него были копии всех картин, включая и четырехцветные, но он все равно разъярился. Нож безумца проткнул волшебника Джона (названного, естественно, в честь сына), колдуна Флэка, Френка, братьев Поссе, Сонную Джин, Порченую Салли, Лили Астолет, Синюю колдунью и, конечно же, самого Рея Деймона – Темного скитальца. Созданных Клаем фантастических персонажей, живущих в пещере его воображения и призванных освободить своего творца от выматывающей работы учителя рисования в дюжине школ маленьких городков штата Мэн, необходимости ежемесячно наматывать тысячи миль и практически жить в автомобиле.

Он мог поклясться, что услышал их стон, когда нож безумца пронзил портфель, где они спали безмятежным сном.

Вне себя от ярости, не обращая внимания на нож (во всяком случае, в тот момент), он оттолкнул безумца, попер на него, держа портфель обеими руками, используя как щит, и ярость его только продолжала нарастать, когда он увидел,

что насаженный на нож портфель еще и выгибается широкой буквой «V».

– Блет! – проревел псих и попытался выдернуть нож из портфеля. Но лезвие сидело крепко. – Блет ку-ям доу-рам каззалах а-баббалах!

– Я сейчас баббалахну твой каззалах, хрен моржовый! – крикнул Клай и поставил левую ногу позади пятящихся назад ног лунатика. Позже ему придет в голову мысль о том, что тело знает, как бороться, когда возникает такая необходимость. Это секрет, который хранит тело, точно так же, как и другие секреты: оно может и быстро бежать, и перепрыгнуть через достаточно широкий ручей, и бросить палку, если альтернативный вариант – умереть. Так что в экстремальной ситуации тело просто берет инициативу на себя и делает то, что нужно, тогда как мозг стоит в стороне и ничего не может, кроме как посвистывать, притоптывать ногой да смотреть на небо. Или, если уж на то пошло, размышлять о том, какой звук издает нож, пронзая портфель, который жена подарила тебе на твой двадцать восьмой день рождения.

Безумец споткнулся о выставленную ногу Клая, как и рассчитывало тело, и упал на спину. Клай наклонился над ним, тяжело дыша, по-прежнему держа обеими руками портфель, который теперь действительно напоминал помятый в сражении щит. Разделочный нож все так же пронзал портфель, рукоятка находилась с одной стороны, лезвие торчало с другой.

Безумец попытался встать. Но тут к ним подскочил новый

друг Клая и пнул безумца в шею, очень даже неслабо. Коротышка громко всхлипывал, слезы катились по его щекам и туманили линзы очков. Безумец вновь повалился на тротуар, изо рта вывалился язык. Между языком и губами просачивались какие-то хрипы. Клаю казалось, что они не так уж и отличаются от слов, которые чуть раньше непрерывным потоком слетали с губ этого психа.

– Он пытался нас убить! – Коротышка продолжал плакать. – Он пытался нас *убить!*

– Да, да, – кивнул Клай. И внезапно вспомнил, что однажды тем же тоном сказал «Да, да» Джонни, давно, они еще звали его Джонни-малыш, когда он пришел к ним с поцарапанными коленками или локтями, плача: «У меня КРОВЬ!»

Лежащий на тротуаре мужчина (у которого крови хватало) уже приподнялся на локтях, вновь попытался встать. На этот раз инициативу проявил Клай, пинком вышиб один локоть из-под безумца, вернув его на тротуар. Но все эти пинки представлялись временной мерой, и не самой удачной. Клай схватился за рукоятку ножа, поморщился, ощутив на ней еще не свернувшуюся, полужидкую кровь (все равно что провести ладонью по пятну застывшего свиного жира), и дернул. Нож чуть пошел вместе с рукой Клая, потом или остановился, или соскользнула рука. Ему показалось, что он услышал, как в темноте портфеля о чем-то печально шепчутся персонажи, и сам вскрикнул, словно от боли. Ничего не мог с собой поделать. И еще не мог не задаться вопросом:

а что он будет делать с ножом, когда вытащит его из портфеля? Зарежет безумца? Клай подумал, что мог бы это сделать в тот момент, когда этот гад проткнул портфель, в состоянии аффекта, но не теперь.

– Что-то не так? – по-прежнему всхлипывая, спросил коротышка. Клая, погруженного в собственные беды, не могла не тронуть звучавшая в голосе озабоченность. – Он вас достал? Вы закрыли мне поле зрения, и я несколько секунд его не видел. Он вас достал? Вы ранены?

– Нет, – ответил Клай, – со мной все в по…

Очередной гигантский взрыв донесся с севера, практически наверняка из аэропорта Логана на другой стороне Бостонского порта. Они оба вжали головы в плечи, вздрогнули.

Безумец воспользовался этим моментом, чтобы сесть, и уже поднимался на ноги, когда коротышка в твидовом костюме неуклюже, но эффективно ударил его ногой, угодил по центру разорванного галстука и уложил на асфальт. Безумец взревел и схватил коротышку за ногу. Повалил бы на себя и раздавил в объятиях, если бы Клай не успел схватить своего нового знакомого за плечо и оттащить от безумца.

– У него остался мой ботинок! – завопил коротышка. Позади них столкнулись еще два автомобиля. Криков все прибавлялось, как и воя сигнализаций. Автомобильных, пожарных, охранных. Издалека доносились и полицейские. – Мерзавец стащил с меня бо…

Внезапно рядом возник полицейский. Один из тех, кто

приехал к отелю на противоположной стороне улицы, предположил Клай, когда полицейский опустился на колено рядом с что-то лопочущим психом. Клай сразу возлюбил полицейского. Тот нашел время и возможность подойти сюда! Заметил, что у них творится!

– Вы бы с ним осторожнее, – нервно сказал коротышка. – Он…

– Я знаю, кто он, – ответил коп, и Клай увидел, что тот держит в руке табельный автоматический пистолет. Он понятия не имел, достал ли коп пистолет из кобуры после того, как опустился на колено, или все время держал в руке. Переполнившее его чувство благодарности негативно отразилось на наблюдательности.

Коп смотрел на безумца. Низко наклонился к безумцу. Словно предлагал безумцу наброситься на него.

– Эй, дружище, как дела? – прошептал коп. – Я хочу сказать, что с тобой такое?

Безумец рванулся к копу, его руки сжались на горле слуги закона. И в то же мгновение коп приставил пистолет к виску безумца и нажал на спусковой крючок. Длинная струя крови выплеснулась с другой стороны седеющей головы безумца, и он упал на тротуар, театральным жестом широко разбросив обе руки: «Посмотри, мамик, я умер».

Клай посмотрел на усатого коротышку, и усатый коротышка посмотрел на Клая. Потом оба повернулись к копу, который уже убрал пистолет в кобуру и доставал из на-

грудного кармана форменной рубашки кожаные «корочки». Клай порадовался, заметив, что рука, которая доставала «корочки», чуть дрожит. Он уже боялся копа, но этот страх только бы усилился, если бы рука не дрожала. И только что произошедшее на их глазах не было единичным случаем. Выстрел оказал некое воздействие на слух Клая, может, прочистил уши, может, что-то еще. И теперь он уже слышал другие отдельные пистолетные выстрелы, щелчки, пронзающие нарастающую какофонию этого дня.

Коп вытащил из «корочек» белый прямоугольник (Клай подумал, что это визитная карточка) и убрал «корочки» в нагрудный карман. Зажал прямоугольник большим и указательным пальцами левой руки, а правой вновь взялся за рукоятку пистолета. Около его до блеска начищенных ботинок разливалась лужа крови, продолжающей вытекать из простреленной головы безумца. Неподалеку женщина во «властном костюме» лежала еще в одной луже крови, которая уже начала загустевать и темнеть.

– Ваше имя, сэр? – спросил коп Клая.

– Клайтон Ридделл.

– Вы можете сказать, кто сейчас президент?

Клай сказал.

– Сэр, вы можете сказать, какой сегодня день?

– Первое октября. Вы знаете, что…

Коп уже смотрел на усатого коротышку.

– Ваше имя?

– Я – Томас Маккорт, живу в Молдене, Салем-стрит, дом сто сорок. Я…

– Вы можете назвать фамилию человека, который на последних выборах боролся за пост президента и проиграл?

Том Маккорт назвал.

– На ком женат Брэд Питт?

Маккорт вскинул руки.

– Откуда мне знать? Думаю, на какой-нибудь кинозвезде.

– Хорошо. – Коп протянул Клаю белый прямоугольник, который держал в левой руке, действительно визитную карточку. – Я – патрульный Ульрик Эшленд. Это моя визитка. Вас могут вызвать в суд, чтобы вы рассказали о том, что здесь произошло. А произошло здесь следующее: вам потребовалась помощь, я пришел, на меня напали, я отреагировал.

– Вы хотели его убить, – указал Клай.

– Да, сэр, мы, как можем быстро, избавляем этих людей от их страданий. И если вы повторите суду или любой другой ведущей расследование комиссии мои слова и сошлетесь на меня, я буду все отрицать. Но без этого не обойтись. Они появляются везде. Некоторые всего лишь совершают самоубийство. Многие нападают на других. – Он помялся, потом добавил: – Насколько мы можем судить, они все нападают на других, – и словно в подтверждение его слов, с другой стороны улицы донесся пистолетный выстрел, а после паузы еще три, в быстрой последовательности, из крытого переднего дворика отеля «Времена года», который завалило оскол-

ками стекла, изуродованными телами, разбитыми автомобилями и залило кровью. – Это прямо-таки гребаная «Ночь живых мертвецов»! – Патрульный Ульрик Эшленд направился к проезжей части Бойлстон-стрит, не снимая руки с рукоятки пистолета. – Да только эти люди не мертвые. За исключением тех, кому мы «помогли», вот так.

– Рик! – крикнул коп с другой стороны улицы. – Рик, нам нужно ехать в Логан! Всем патрульным машинам! Иди сюда!

Патрульный Эшленд оглядел улицу, но движущихся автомобилей не было. В этот момент на Бойлстон-стрит находились только разбитые машины. Но вот с соседних улиц доносился шум взрывов и столкновений автомобилей. И запах дыма становился сильнее. Коп дошел до середины мостовой, остановился, повернулся к Клаю и Тому:

– Спрячьтесь где-нибудь. В помещении. Один раз вам повезло. В следующий может не повезти.

– Патрульный Эшленд, вы не пользуетесь сотовыми телефонами, так? – спросил копа Клай.

Эшленд смотрел на него с середины проезжей части Бойлстон-стрит, по разумению Клая, не самого безопасного места. Он думал о том, что вытворяла на этой самой улице «утка».

– Нет, сэр. Наши автомобили радиофицированы. У нас есть портативные рации. – Он похлопал по чехлу с рацией, который висел на поясном ремне. Клай, который пристрастился к комиксам, как только научился читать, подумал об

удивительном поясе Бэтмена, в котором находилось столько полезного.

– Не пользуйтесь ими, – предупредил Клай. – Скажите другим. *Не пользуйтесь мобильниками!*

– Почему вы так считаете?

– *Потому что они воспользовались.* – Он указал на мертвую женщину и лежащую без сознания девочку. – Аккурат перед тем как рехнулись. И я готов поспорить на что угодно, что этот парень с ножом…

– Рик! – вновь крикнул коп на другой стороне улицы. – Поторопись, твою мать!

– Спрячьтесь где-нибудь, – повторил патрульный Эшленд и поспешил на ту сторону улицы, где высился отель «Времена года». Клай сожалел, что еще раз не сказал копу о вреде сотовых телефонов, но его радовало, что патрульный Эшленд покинул мостовую, ставшую опасной зоной. Правда, он уже понимал, что в этот день опасной зоной стал весь Бостон.

4

– Что вы делаете? – спросил Клай Тома Маккорта. – Не трогайте его. Возможно, он… ну не знаю, заразный.

– Я и не собираюсь его трогать, но мне нужен мой ботинок.

Ботинок лежал под растопыренными пальцами левой руки безумца, достаточно далеко от лужи его крови. Том осторожно ухватился за каблук и потянул ботинок на себя. Потом сел на бордюрный камень Бойлстон-стрит (в том самом месте, где стоял, по разумению Клая, в другой жизни, магазин на колесах «Мистер Софти») и сунул ногу в ботинок.

– Шнурки порваны, – обнаружил он. – Этот чертов псих порвал шнурки, – и заплакал.

– Попробуйте как-нибудь выкрутиться. – Клай принялся вытаскивать нож из портфеля. Удар наносился с огромной силой, и Клай понял, что нож нужно дергать взад-вперед, чуть-чуть вытаскивать, вгонять назад, а потом опять тащить на себя. Метод срабатывал, но нож выходил неохотно, в череде возвратно-поступательных раскачиваний, с жутким скрипом, от которого Клая передергивало. И он не мог не гадать, а кому из тех, кто находился внутри, досталось больше всего. Глупые мысли, вызванные исключительно шоком, но он никак не мог от них отделаться. – Сможете завязать ботинок хотя бы на две петли?

– Да, думаю, что…

Клай услышал механический «комариный» писк, который, нарастая, перешел в мерное гудение. Том, сидя на бордюрном камне, вытянул шею, оглядываясь. Клай повернулся к парку. Маленький караван патрульных машин ПУБ[21], отъехавший было от отеля «Времена года», остановился на уровне магазина «Огни города» и уткнувшейся в витрину «утки». Копы высунулись из окон, когда частный самолет средних размеров, может, «сессна», может, «твин бонанза» – в самолетах Клай не разбирался, – появился над домами между Бостонским портом и Коммон, летя на малой скорости и быстро теряя высоту. Еще через несколько мгновений самолет оказался над парком, его крыло практически чиркнуло по вершине одного из сияющих осенней листвой деревьев, а потом он нырнул в каньон Чарльз-стрит, словно пилот решил, что это посадочная полоса. Потом, менее чем в двадцати футах над землей, самолет взял влево, и крыло ударило по фасаду серого каменного здания, возможно, банка, на углу Чарльз– и Бикон-стрит. Ощущение, что самолет летит медленно, можно сказать, парит, в тот самый момент и исчезло. С огромной скоростью, словно камень, раскрученный в петле пращи, самолет развернуло вокруг крыла, вошедшего в контакт с фасадом, и бросило на соседнее кирпичное здание. И тут же самолет исчез в ярких лепестках красно-оранжевого пламени. Ударная волна пронеслась по парку. Утки

---

[21] ПУБ – полицейское управления Бостона.

улетели раньше.

Клай опустил глаза и увидел, что держит в руке разделочный нож. Он вытащил его, пока вместе с Томом Маккортом наблюдал за крушением самолета. Вытер о рубашку сначала с одной стороны, потом с другой, осторожно, чтобы не порезаться (руки-то тряслись), засунул за пояс, с еще большей осторожностью, по самую рукоятку. Когда он это проделал, на ум пришла одна из его первых попыток по созданию комиксов… мальчишество, право слово.

– Пират Джоксер перед вами, к вашим услугам, моя прелесть, – пробормотал он.

– Что? – переспросил Том. Он уже стоял рядом с Клаем, глядя на горящий самолет в дальнем конце Коммон. Из гигантского костра торчал только хвост. На нем Клай смог разобрать бортовой номер самолета: **LN6409B.** Надпись над номером вроде бы походила на логотип какой-то спортивной команды.

Потом пропал и хвост.

Клай почувствовал, как первые волны тепла достигли его лица.

– Ничего, – ответил он коротышке в твидовом костюме. – Займемся делом.

– Что?

– Пошли отсюда.

– А-а. Хорошо.

Клай двинулся вдоль южной стороны Коммон, в том са-

мом направлении, в каком и шел в три часа дня восемнадцать минут и вечность тому назад. Тому Маккорту приходилось быстро перебирать ногами, чтобы не отстать. Он действительно был очень маленького роста.

– Скажите, вы часто несете всякую чушь? – полюбопытствовал он.

– Будьте уверены. Можете спросить у моей жены.

5

– Куда мы идем? – спросил Том. – Я направлялся к станции «Т»[22], – и указал на зеленый киоск, от которого их отделял примерно квартал. Там собралась небольшая толпа. – Но теперь не уверен, что это хорошая идея, спускаться под землю.

– Я тоже, – кивнул Клай. – Я снял номер в отеле «Атлантик-авеню инн», в пяти кварталах отсюда.

Том просиял.

– Думаю, я знаю этот отель. На Лоден-стрит, рядом с Атлантик.

– Совершенно верно. Пошли туда. Узнаем, что говорят по телевизору. И я хочу позвонить жене.

– Из номера?

– Естественно, из номера. Сотового телефона у меня просто нет.

– У меня есть, но я оставил его дома. Сломался. Раф… мой кот… сбросил его с кухонного столика. Как раз сегодня я собирался купить новый, но… Послушайте, мистер Ридделл…

– Клай.

---

[22] «Т» (train) – аналог московского «М» (метро). В Бостоне этот вид общественного транспорта – трамвай из двух (иногда из одного, реже – трех) вагонов, движущийся под землей в центре города и по поверхности на окраинах.

– Ладно, Клай. А ты уверен, что звонить из номера по обычному телефону безопасно?

Клай остановился. Такая мысль даже не приходила ему в голову. Но если проводная связь опасна, что тогда могло быть безопасным? Он уже собрался сказать об этом Тому, когда на станции «Т», к которой они направлялись, внезапно началась драка. Оттуда доносились панические крики, вопли и ничего не значащие слова. После встречи с мужчиной, который бросился на них с ножом, Клай уже знал, что эта галиматья – признак безумия. Люди, которые толпились около П-образного парапета из серого камня и уходящих вниз ступеней, бросились врассыпную. Некоторые выбежали на проезжую часть, двое – обнявшись, оглядываясь. Большинство бросилось в парк, все в разные стороны, разочаровав Клая. Куда больше ему нравились те двое, что не расставались и на бегу.

Однако у станции «Т» и все еще на ногах оставались двое мужчин и две женщины.

Клай не сомневался, что именно они поднялись со станции по лестнице и разогнали остальных. Когда Клай и Том остановились в полуквартале, наблюдая за ними, оставшиеся четверо принялись драться друг с другом. Драку эту отличала та самая неистовая, убийственная жестокость, с которой Клай уже сталкивался, а вот разделение на избивающих и избиваемых отсутствовало. Дрались не двое против двоих, не трое против одного и, уж конечно, не «мальчики» про-

тив «девочек». Более того, одной из «девочек» была женщина лет шестидесяти пяти, коренастая, со строгой прической, напомнившая Клаю нескольких знакомых ему учительниц, которые приближались к выходу на пенсию.

Они дрались ногами и кулаками, ногтями и зубами, рыча и крича, кружа между полудюжиной лежащих на асфальте людей, то ли потерявших сознание стараниями этой четверки, то ли убитых ими. Один из мужчин споткнулся о чью-то вытянутую ногу и упал на колени. Более молодая женщина тут же набросилась на него. Стоявший на коленях мужчина что-то поднял с асфальта, рядом с верхней ступенькой (Клай нисколько не удивился, увидев, что это мобильник), и ударил женщину по лицу. Мобильник разбился, вспоров женщине щеку, кровь полилась на плечо светлого пиджака, но в ее крике ярость преобладала над болью. Она схватилась за уши стоящего на коленях мужчины, как за ручки кувшина, прыгнула на него, целя коленями в нижнюю часть живота, и толкнула назад, в сумрак лестницы, ведущей на станцию «Т». Они исчезли из виду, сцепленные вместе и извиваясь, словно трахающиеся кошки.

– Пошли, – прошептал Том, со странной деликатностью ухватив Клая за рубашку. – Пошли. На другую сторону улицы. Пошли.

Клай позволил перевести себя через Бойлстон-стрит. То ли Том Маккорт смотрел, куда они идут, предположил Клай, то ли был везунчиком, но до противоположной стороны

улицы они добрались целыми и невредимыми. Вновь остановились перед витриной магазина «Колониальные книги» («Лучшие из старинных, лучшие из новых»), наблюдая, как неожиданная победительница битвы при станции «Т» широкими шагами направилась в парк, в сторону горящего самолета. Кровь капала на воротник с кончиков жидких седых волос. Впрочем, Клай не удивился, что из всех четверых на ногах осталась только женщина, выглядевшая библиотекаршей или учительницей латинского языка, которой оставался год или два до получения золотых часов[23]. Он провел с подобными дамами достаточно много времени, чтобы знать: взять верх над теми, кто продолжал учить и в таком возрасте, не представлялось возможным.

Он открыл рот, чтобы поделиться этой мыслью с Томом, как ему представлялось, мыслью остроумной, но из горла вырвался то ли всхлип, то ли хрип. А зрение у него подозрительно затуманилось. Вероятно, Том Маккорт, коротышка в твидовом костюме, был не единственным, у кого возникли проблемы со слезными железами. Клай провел рукой по глазам, вновь попытался что-то сказать, но произнести что-либо, кроме хрипов и всхлипов, не удавалось.

– Все нормально, – заверил его Том. – Поплачь.

Что Клай и сделал, стоя перед витриной магазина, набитого старинными книгами, окружающими пишущую машинку «Ройял», реликтом тех времен, когда эра сотовой свя-

---

[23] Золотые часы обычно вручаются при выходе на пенсию.

зи была еще далеким будущим. Он оплакивал женщину во «властном костюме», оплакивал фею Светлую и фею Темную, оплакивал себя, потому что Бостон не был ему родным, а дом еще никогда не казался таким далеким.

6

За Коммон Бойлстон-стрит сузилась, а автомобили, разбитые и брошенные, забили ее до такой степени, что они уже могли не бояться лимузинов-камикадзе или нарушающих правила дорожного движения «уток». Хоть это радовало. Со всех сторон громыхало, трещало, ревело, словно они угодили на празднование Нового года в ад. Звуки эти доносились как издалека, так и раздавались в непосредственной близости: выли автомобильные и охранные сигнализации, но сама улица в этот момент была на удивление пустынна. «Спрячьтесь где-нибудь, – посоветовал им патрульный Ульрик Эшленд. – Один раз вам повезло. В следующий может не повезти».

Но в двух кварталах к востоку и все еще в квартале от отеля (не совсем клоповника) Клая им таки снова повезло. Еще один безумец, на этот раз молодой человек лет двадцати пяти, с накачанными стероидами мышцами, выскочил из проулка прямо перед ними и помчался на другую сторону улицы, перепрыгивая через бамперы столкнувшихся автомобилей, а из его рта непрерывным потоком изливались никому не ведомые слова. В каждой руке он держал по автомобильной антенне и протыкал ими воздух, словно кинжалами, готовый вонзить их в любого, кто встретился бы ему на пути. Бежал он абсолютно голым, за исключением новеньких

кроссовок «Найк» с ярко-красными фирменными нашивками. Член мотался из стороны в сторону, как маятник в дедушкиных напольных часах. Бегун добрался до противоположного тротуара и взял курс на запад, к Коммон, его ягодицы сжимались и разжимались в фантастическом ритме.

Том Маккорт уцепился за руку Клая и сжимал ее, пока безумец не убежал, а потом медленно ослабил хватку.

– Если бы он увидел нас… – начал он.

– Да, – согласился Клай, – но не увидел. – Его вдруг охватила какая-то нелепая радость. Он знал, что это чувство пройдет, но пока предпочитал наслаждаться им. Он чувствовал себя как человек, который только что сорвал банк.

– Мне жаль тех, кого он увидит, – вздохнул Том.

– Мне жаль тех, кому он попадется на глаза, – ответил Клай. – Пошли.

7

Отель «Атлантик-авеню инн» встретил их запертыми дверями.

Клай так удивился, что какое-то мгновение мог только стоять, вновь и вновь силясь повернуть ручку и чувствуя, как она скользит в его руке, пытаясь осознать, что произошло: дверь заперта. Дверь его отеля заперта и не желает открываться.

Том встал рядом, прижался лбом к стеклу, чтобы не мешали блики, прищурился, стараясь разглядеть вестибюль. С севера, определенно из Логана, донесся еще один чудовищный взрыв, но на этот раз Клай только поморщился. А Том Маккорт не отреагировал вовсе. Тома куда больше интересовало то, что он смог разглядеть внутри.

– Мертвый мужчина на полу, – наконец объявил он. – В униформе, но староват для коридорного.

– Мне не нужен человек, чтобы нести мой гребаный багаж, – фыркнул Клай. – Я просто хочу подняться в свой номер.

Том издал какой-то странный звук. Клай подумал, что коротышка вновь плачет, но потом понял, что тот давится от смеха.

В вестибюль вели двойные двери с большими стеклянными панелями. На одной панели красовалась правдивая

надпись: **«АТЛАНТИК-АВЕНЮ ИНН»**, на другой – откровенно лживая: **«ЛУЧШИЙ ОТЕЛЬ БОСТОНА»**. Том принялся стучать ладонью по левой стеклянной панели, между надписью **«ЛУЧШИЙ ОТЕЛЬ БОСТОНА»** и рядом изображений карточек кредитных систем, которые принимали в отеле.

Теперь и Клай приник лбом к стеклу. Вестибюль размерами не поражал. Слева находилась регистрационная стойка, справа – два лифта. Пол устилал красный ковер. Старик в униформе лежал на нем, лицом вниз, одной ногой на диване, а зад ему прикрывала взятая в рамку репродукция, отпечатанная компанией «Каррье-и-Ивс»: плывущий по синему морю парусник.

Хорошее настроение Клая улетучилось как дым, а когда Том со шлепков ладонью перешел на стук кулаком, перехватил его руку.

– Не усердствуй. Они не собираются нас пускать, даже если живы и в здравом уме. – Он обдумал собственные слова, кивнул: – *Особенно* если в здравом уме.

Том в изумлении уставился на него.

– Ты так ничего и не понял, да?

– Что? Чего не понял?

– Времена переменились. Они не могут нас не пустить. – Он вырвал руку из пальцев Клая, но стучать больше не стал, вновь прижался лбом к стеклу и закричал (Клай подумал, что для такого коротышки голос у него очень даже крикли-

вый): – Эй! Эй, кто-нибудь!

Ему не ответили. В вестибюле ничего не изменилось. Старик коридорный по-прежнему лежал мертвым с картиной на заду.

– *Эй, если вы здесь, вам лучше открыть дверь! Мужчина, который со мной, оплатил номер в этом отеле, а я – его гость. Откройте, а не то я возьму бордюрный камень и разобью стекло! Слышите меня?*

– *Бордюрный камень?* – Клая разобрал смех. – Ты сказал, *бордюрный камень?* Это круто. – Он смеялся все громче. Ничего не мог с собой поделать. А потом краем глаза уловил движение слева. Повернул голову и увидел девушку-подростка, которая стояла чуть дальше по улице. Смотрела синими глазами загнанного зверька. На ней было белое платье с большим пятном крови на груди. Кровь также запеклась у нее под носом, на губах, подбородке. Других ран, помимо разбитого носа, вроде бы не было, и выглядела она не безумной, только потрясенной. Потрясенной чуть ли не до смерти.

– С тобой все в порядке? – спросил Клай. Шагнул к ней, и она синхронно отступила на шаг. С учетом сложившихся обстоятельств винить в этом он ее не мог. Он остановился, но поднял руку, совсем как регулировщик: – Стоп!

Том огляделся, вновь застучал кулаком по стеклу, да так сильно, что оно задребезжало в деревянной раме, а отражение Тома затряслось.

– *Последнее предупреждение, потом мы войдем сами!*

Клай повернулся к нему, чтобы сказать, что словами здесь никого не проймешь, особенно в такой день, и тут над регистрационной стойкой начала медленно подниматься лысая голова. Клай узнал голову еще до того, как появилось лицо. Она принадлежала портье, который вчера зарегистрировал его в отеле и поставил печать на пропуске на автомобильную стоянку, расположенную в квартале от «Атлантик-авеню инн». Он же утром объяснил ему, как пройти к отелю «Копли-сквер».

Портье никак не хотелось выходить из-за стойки, но Клай приложил к стеклу ключ от номера вместе с зеленой пластиковой биркой отеля. Другой рукой поднял портфель, в надежде, что портье сможет его узнать.

Может, он и узнал. А скорее решил, что выбора у него нет. В любом случае он вышел из-за стойки и быстрым шагом направился к двери, обходя тело по широкой дуге. И Клай Ридделл признал, что впервые в жизни видит стремительное действо, совершаемое с крайней неохотой. Когда портье добрался до двери, он перевел взгляд с Клая на Тома, потом вновь посмотрел на Клая. И пусть, судя по выражению лица, увиденное его не успокоило, достал из кармана связку ключей, быстро перебрал, нашел нужный и вставил в замочную скважину. Когда Том потянулся к ручке, лысый портье поднял руку, точно так же, как поднимал ее Клай, обращаясь к окровавленной девушке, которая стояла неподалеку. Портье нашел второй ключ, открыл им другой замок, а потом и

дверь.

– Заходите, – сказал он. – Быстро, – и тут увидел девушку, которая держалась в отдалении, но внимательно наблюдала за происходящим. – Без нее.

– С ней, – возразил Клай. – Заходи, лапочка.

Но девушка не зашла. А когда Клай шагнул к ней, развернулась и убежала, с развевающимся за спиной подолом платья.

8

– Ее там могут убить, – озаботился Клай.

– Не моя проблема. – Портье пожал плечами. – Так вы заходите, мистер Риддл или нет? – говорил он с бостонским выговором, а не с рабочим с примесью юга, более привычным Клаю по штату Мэн, где каждый третий встреченный вами человек был выходцем из Массачусетса, но суетливо заявлял, что хотел бы быть выходцем из Британии.

– Я – Ридделл. – Он собирался войти, все так, и этот лысый не смог бы оставить его на улице, раз уж открыл дверь, но на какое-то время Клай задержался на тротуаре, глядя вслед девушке.

– Пошли, – раздался рядом спокойный голос Тома. – Ничего не поделаешь.

И он был прав. Ничего они поделать не могли. В этом-то и был ужас. Следом за Томом он прошел в вестибюль, а портье тут же запер двойные двери отеля «Атлантик-авеню инн» на два замка, словно замки эти могли уберечь их от хаоса на улицах.

9

– Это Франклин. – Портье вел их в обход мужчины в униформе, который лежал на полу лицом вниз.

– Староват для коридорного, – сказал Том, всматриваясь в вестибюль сквозь тонированное стекло, и Клай подумал, что так оно и есть. Убитый был невысокого росточка, с роскошными седыми волосами. К несчастью для Франклина, голову, на которой волосы, вероятно, еще росли (волосы и ногти не сразу понимали, что человек уже умер, что-то такое он где-то читал), развернуло под очень уж большим углом к телу, как голову повешенного.

– Он проработал в отеле тридцать пять лет и, я уверен, говорил об этом каждому нашему гостю, которого провожал в номер. Большинству из них дважды.

Бостонский выговор действовал Клаю на нервы. Он подумал, будь это пердеж, так напоминал бы звуки, которые выдувает на горне ребенок, страдающий астмой.

– Какой-то мужчина вышел из лифта, – продолжил портье, заходя за стойку. Возвращаясь туда, где чувствовал себя как дома. Свет висевшей над стойкой лампы осветил его лицо, и Клай увидел, что портье бледен как мел. – Один из психов. Франклину не повезло. Стоял перед этими дверями.

– Полагаю, вам не пришла в голову мысль, что нужно хотя бы убрать картину с его зада. – Клай наклонился, поднял ре-

продукцию «Каррье-и-Ивса», положил на диван. Одновременно легким движением скинул ногу Франклина с дивана, где она нашла свой покой. Нога упала со звуком, который Клай знал очень хорошо. Звук этот в огромном большинстве комиксов обозначался словом **«БАХ!».**

– Мужчина, который вышел из лифта, врезал ему только раз. Бедного Франклина швырнуло в стену. Думаю, тогда он и сломал шею. Во всяком случае, о стену Франклин ударился с такой силой, что картина слетела с крючков.

Портье полагал, что это самый верный критерий силы удара.

– А мужчина, который ударил его? – спросил Том. – Псих? Куда он пошел?

– На улицу, – ответил портье. – Вот когда я почувствовал, что запереть дверь будет самым мудрым решением. После того как он вышел на улицу. – В его взгляде читались страх и зудящее, жадное любопытство, которое Клай нашел особенно мерзким. – Что там *происходит? Насколько* все плохо?

– Думаю, вы достаточно ясно все себе представляете, – ответил Клай. – Не потому ли вы заперли дверь?

– Да, но…

– А что говорят по телевизору? – спросил Том.

– Ничего. Кабельное вырубилось… – Портье посмотрел на часы. – Примерно полчаса назад.

– А радио?

Портье пренебрежительно глянул на него, как бы говоря:

«Вы, должно быть, шутите!» Клай подумал, что этому парню пора браться за книгу «КАК ВЕСТИ СЕБЯ, ЧТОБЫ СРАЗУ НЕ ПОНРАВИТЬСЯ ЛЮДЯМ».

– Радио, здесь? В любом отеле в центре города? Вы, должно быть, шутите.

С улицы донесся пронзительный вопль страха. Девушка-подросток в испачканном кровью белом платье появилась у двери и принялась стучать по стеклу ладонью, одновременно оглядываясь. Клай поспешил к ней.

– Нет, он опять запер дверь, помнишь? – крикнул ему Том.

Клай не помнил. Повернулся к портье.

– Отоприте.

– Нет. – Портье скрестил руки на тощей груди, чтобы показать, что он решительно против предложенного варианта. Снаружи девочка в белом платье оглянулась вновь и застучала еще сильнее. На вымазанном кровью лице отражался ужас.

Клай вытащил из-за пояса разделочный нож. Он практически забыл о нем и даже удивился, сколь быстро, без малейшего напряжения, вспомнил.

– Открывай дверь, сукин сын, – сказал он портье, – а не то я перережу тебе горло.

10

– Нет времени! – закричал Том и схватил один из стульев с высокой спинкой, новодела, имитирующего стиль мебели эпохи королевы Анны[24], которые стояли по обе стороны дивана. Побежал с ним к двери, выставив вперед ножки.

Девушка увидела его и отпрянула, подняв обе руки, чтобы прикрыть лицо. В это самое мгновение мужчина, который преследовал ее, появился перед дверью. Судя по внешнему виду, здоровенный рабочий-строитель с выпирающим, обтянутым желтой футболкой брюхом и сальными, тронутыми сединой волосами, забранными на затылке в конский хвост.

Ножки стула вошли в контакт со стеклянными панелями двери. Две левые разнесли панель с надписью **«АТЛАНТИК-АВЕНЮ ИНН»,** две правые не оставили буквы на букве от **«ЛУЧШЕГО ОТЕЛЯ БОСТОНА».** Правые ножки врезались в мускулистое, обтянутое желтым плечо строителя, когда тот схватил девушку за шею. Дном стул уперся в деревянную перемычку между панелями, и Маккорта отбросило назад.

Строитель вопил, нес уже привычную Клаю и Тому галиматью на никому не ведомом языке, кровь потекла по левому бицепсу. Девушке удалось вырваться, но она зацепилась но-

---

[24] Начало XVIII века, характерные отличия стиля – простота и изящество. Стулья с гнутыми ножками.

гой за ногу и упала, частично на тротуар, частично – в сливную канаву, крича от боли и страха.

Клай оказался около одной из разбитых панелей. Как пересек вестибюль, не помнил вовсе, и у него осталось лишь самое смутное воспоминание о том, как отбрасывал стул.

– Эй, недоносок, – крикнул он и безмерно обрадовался тому, что строитель на мгновение закрыл рот и застыл. – Да, ты! – кричал Клай. – Я обращаюсь к тебе, – а потом добавил, потому что не мог придумать ничего другого: – Я трахал твою мамашу, а она лежала как бревно.

Здоровенный маньяк в желтой футболке прокричал что-то непонятное, но похожее на крик: «Ар-р!» – вырвавшийся из груди женщины во «властном костюме» перед тем, как она встретила свою смерть, и развернулся к зданию, которое неожиданно отрастило зубы, обрело голос и напало на него. Трудно сказать, что он увидел, но уж точно не мрачного, с мокрым от пота лицом мужчину с ножом в руке, который выглядывал из прямоугольного проема, недавно закрытого тонированным стеклом, потому что Клаю не пришлось что-либо делать. Строитель в желтой футболке просто прыгнул на торчащее лезвие разделочного ножа. Шведская сталь легко и плавно вошла в чуть обвисшую загорелую кожу под подбородком и освободила путь красному водопаду. Он окатил руку Клая, на удивление горячий, казалось, той же температуры, что и свежесваренный кофе, и Клаю пришлось подавлять желание отпрянуть. Вместо этого он подался вперед и

почувствовал, как нож наконец-то встретил сопротивление. Его движение замедлилось, но непреодолимых препятствий на пути не возникло. Лезвие прошло сквозь хрящ, и острие вновь проткнуло кожу, уже изнутри, под самой линией волос. Строителя потащило вперед (Клай не мог удержать его одной рукой, здоровяк весил фунтов двести шестьдесят, может, и все двести девяносто), он привалился к двери, как пьяный к фонарному столбу, с вытаращенными карими глазами, высовывающимся из уголка рта языком в пятнах никотина и разрезанной шеей. Потом колени его подогнулись, и он упал. Клай крепко держал рукоятку ножа и удивился, с какой легкостью лезвие вышло из тела. В прошлый раз, когда пришлось вытаскивать нож из кожи и жесткой подкладки портфеля, сил ушло не в пример больше.

После того как безумец упал, Клай смог вновь увидеть девушку. Она стояла на коленях, одно на тротуаре, второе в сливной канаве, и кричала сквозь полог волос, упавших на лицо.

– Детка, – позвал он. – Детка, не надо.

Но она продолжала кричать.

11

Ее звали Алиса Максвелл. Это она смогла им сказать. И еще, что приехала с матерью в Бостон на поезде (из Боксфорда, уточнила она) за покупками, как они часто делали по средам, в ее «короткий день» в средней школе, где она училась. Они вышли из поезда на станции Южная и сели в такси. Водитель был в синем тюрбане. И как следовало из слов девушки, синий тюрбан – последнее, что осталось в ее памяти до того момента, как лысый портье открыл наконец-то двойные, лишившиеся стеклянных панелей двери отеля «Атлантик-авеню инн» и позволил ей войти.

Клай полагал, что она помнит больше. Предположение это основывалось на дрожи, которую вызвал у Алисы вопрос Тома Маккорта, был ли у нее или у ее матери сотовый телефон. Она заявила, что не помнит, но Клай не сомневался, что телефон был или у кого-то из них, или у каждой. В эти дни, похоже, все ходили с мобильниками. Он являл собой то исключение, которое доказывало правило. Что же касается Тома, то ему, судя по всему, спас жизнь кот, сбросив сотовый телефон со стола.

Они говорили с Алисой (разговор состоял в основном из вопросов Клая, тогда как девушка сидела молча, глядя на исцарапанные колени и время от времени качая головой) в вестибюле отеля. Клай и Том перетащили тело Франклина

за регистрационную стойку, оставив без внимания громкий и странный протест лысого портье: «Он будет мешаться у меня под ногами». После этого портье, который представился как мистер Рикарди, ретировался в свой кабинет, дверь в который находилась за стойкой. Клай последовал за ним, пробыл в кабинете несколько минут, чтобы убедиться, что мистер Рикарди сказал правду насчет телевидения, а потом вернулся в вестибюль. Шарон Ридделл сказала бы, что мистер Рикарди остался предаваться грустным размышлениям в своем шатре.

Но лысый портье не позволил Клаю уйти, не укорив его напоследок.

– Теперь мы открыты миру, – с горечью сказал он. – Надеюсь, вы думаете, что чего-то достигли.

– Мистер Рикарди, – Клай попытался сохранять выдержку, – я видел, как менее часа назад самолет потерпел катастрофу на другой стороне Бостон Коммон. Судя по доносившимся взрывам, с другими самолетами, большими пассажирскими лайнерами, в Логане происходило то же самое. Может, они даже врезались в терминалы. Прибавьте взрывы в центре города. Я бы сказал, что в этот день весь Бостон открылся миру.

И словно подтверждая его слова, что-то тяжелое рухнуло у них над головами. Мистер Рикарди не посмотрел в потолок. Только махнул рукой, *иди, мол*, в сторону Клая. Поскольку телевизор не работал, мистер Рикарди сидел за сто-

лом и сверлил взглядом стену.

12

Клай и Том передвинули два стула, новодел, имитация мебели эпохи королевы Анны, к входной двери, и высокие спинки в немалой степени заменили разбитые стеклянные панели. Клай полагал, что запертая входная дверь создает лишь ложное чувство безопасности, но при этом отгородиться от чужих глаз очень даже неплохо. Том с ним согласился. Поэтому, поставив стулья у входной двери, они опустили жалюзи большого окна вестибюля. В помещении стало темнее, а на красный ковер легли продольные тени, как от прутьев тюремной решетки.

Покончив с этим и выслушав более чем сокращенный рассказ Алисы, Клай наконец-то подошел к телефонному аппарату, который стоял за стойкой. Посмотрел на часы. 4.22 пополудни, логичное вроде бы время, да только в этот день говорить о нормальном ходе времени не имело смысла. По ощущениям, прошли часы с того момента, как он увидел в парке человека, кусающего собаку. И при этом казалось, что времени больше нет. Но оно, конечно, было, такое, каким мерили его люди, и в Кент-Понд Шарон наверняка уже вернулась в тот дом, который он до сих пор считал и своим. Ему требовалось с ней поговорить. Чтобы убедиться, что она в порядке, и сказать ей, что он тоже жив и здоров, но не это было важным. Вопрос о том, все ли хорошо у Джонни, был

важным само собой, но был и другой, еще более важный. Если уж на то пошло, жизненно важный.

У него не было мобильника, у Шарон – тоже, он мог в этом не сомневаться. Конечно, она могла купить его после апреля, когда они разъехались, но они жили в одном маленьком городе, он видел ее почти каждый день, и по его разумению, если бы она обзавелась мобильником, он бы об этом знал. Во-первых, она сообщила бы ему номер, так? Так. Но…

Но у Джонни мобильник был. Маленький Джонни-малыш, который уже не был маленьким, двенадцать лет – не так уж и мало, и именно такой подарок он пожелал получить на свой последний день рождения. Красный сотовый телефон, который при звонке играл мелодию из его любимой телевизионной передачи. Разумеется, ему запрещали включать мобильник и даже доставать его из ранца в школе, но занятия давно закончились. При этом и Клай, и Шарон, можно сказать, настаивали на том, чтобы он носил с собой мобильник, отчасти потому, что теперь жили врозь. Мобильник мог очень даже пригодиться как при чрезвычайной ситуации, так и при бытовых неудобствах, скажем, опоздании на автобус. И Клаю оставалось только цепляться за слова Шарон о том, что в последнее время, заходя в комнату Джонни, она частенько видела мобильник, забытый на письменном столе или на подоконнике около кровати, обычно с разряженным аккумулятором, а потому такой же бесполезный, как собачье дерьмо.

И, однако, мысль о красном сотовом телефоне Джона тикала в его голове, как часовой механизм бомбы.

Клай коснулся телефонного аппарата для обычной, проводной связи, который стоял на столе за регистрационной стойкой, потом отдернул руку. Снаружи что-то взорвалось, на этот раз где-то далеко. Так слышен взрыв артиллерийского снаряда, если ты находишься не на передовой, а в тылу.

Не делай таких предположений, подумал он. *Даже не предполагай, что есть передовая.*

Он оглядел вестибюль. Том пристроился на корточках рядом с Алисой, которую они сразу усадили на диван. Что-то ей тихонько нашептывал, прикасался к одной из ее туфелек, заглядывал в лицо. Это хорошо. И Том хороший. Клай все больше радовался тому, что наткнулся на Тома Маккорта… или что Том Маккорт наткнулся на него.

Проводная связь, вероятно, не таила в себе опасности. Оставалось только понять, достаточно ли велика была эта вероятность. Он в некотором смысле продолжал нести ответственность за жену, а если уж дело касалось Джонни, так тут насчет ответственности двух мнений быть не могло. Даже мысли о Джонни несли в себе опасность. Всякий раз, когда на ум приходил мальчик, Клай чувствовал в себе крысу-панику, готовую вырваться из хлипкой клетки, в которой сидела, и начать рвать все, до чего сможет добраться своими маленькими острыми зубками. Если бы он знал наверняка, что с Джонни и Шарон все в порядке, тогда сумел бы удержать

крысу в клетке и подумать о том, что делать дальше. Однако любая глупость с его стороны могла привести к тому, что он не смог бы никому помочь. Собственно, мог навредить и тем людям, которые сейчас находились рядом. Подумав об этом, Клай позвал портье.

Когда из кабинета не ответили, позвал вновь. С тем же результатом. Тогда сказал: «Я знаю, что вы слышите меня, мистер Рикарди. Если вы заставите меня зайти к вам и привести вас сюда, я могу рассердиться. Могу рассердиться так сильно, что у меня возникнет желание вышвырнуть вас на улицу».

– Вы не можете этого сделать, – строгим, мрачным голосом ответил мистер Рикарди. – Вы – гость нашего отеля.

Клай подумал о том, что сейчас самое время повторить слова Тома, произнесенные на улице, у дверей отеля: «Времена переменились». Но что-то заставило его просто промолчать.

– Чего вам? – наконец откликнулся мистер Рикарди. Голос стал еще более мрачным. Над головой что-то грохнуло, словно кто-то свалил что-то из мебели. Скажем, буфет. На этот раз даже девушка подняла голову. Клай подумал, что услышал сдавленный крик, может, вопль боли, но ни крик, ни вопль больше не повторились. А что у них на втором этаже? Не ресторан, он помнил, что ему сказали (сам мистер Рикарди и сказал, когда Клай регистрировался в отеле), что ресторана в отеле нет, но кафе «Метрополь» в соседнем до-

ме. *Конференц-залы*, подумал он. *Точно, конференц-залы с индейскими названиями*.

– Чего вам? – повторил вопрос мистер Рикарди. Мрачности в голосе все прибавлялось.

– Вы пытались кому-нибудь позвонить после того, как все это началось?

– Ну разумеется! – ответил мистер Рикарди. Подошел к двери между кабинетом и пятачком за регистрационной стойкой с ячейками, мониторами камер наблюдения и компьютерами. С негодованием посмотрел на Клая. – Завыли сирены пожарной сигнализации… я их отключил. Дорис сказала, что горела корзинка для мусора на третьем этаже… и я позвонил пожарным, чтобы сказать, что сюда никого присылать не нужно. Так линия была занята. *Занята*, можете вы такое себе представить!

– Вы, должно быть, очень расстроились, – ввернул Том.

Лицо мистера Рикарди впервые смягчилось.

– Я позвонил в полицию, когда снаружи… вы знаете… все покатилось под гору.

– Да, – кивнул Клай. «Покатиться под гору», что ж, так тоже можно охарактеризовать случившееся. – Вы дозвонились?

– Мужчина велел мне освободить линию и положил трубку, – ответил мистер Рикарди. В голос вновь прокралось негодование. – Когда я позвонил снова… после того, как этот безумец выскочил из лифта и убил Франклина… мне отве-

тила женщина. Она сказала… – голос мистера Рикарди задрожал, и Клай увидел первые слезы, побежавшие по глубоким бороздам, идущим от крыльев носа портье, – …сказала…

– Что? – спросил Том, в голосе слышалось сочувствие. – Что она сказала, мистер Рикарди?

– Она сказала, если Франклин мертв, а мужчина, который его убил, убежал, тогда у меня нет проблем. Именно она посоветовала мне запереть входную дверь. Также сказала, чтобы я вызвал кабины на первый этаж, а потом отключил лифты. Я так и сделал.

Клай и Том переглянулись, обменявшись безмолвной мыслью: *Хорошая идея*. Клай вдруг очень живо представил себе мух, попавших в ловушку между закрытым окном и сетчатым экраном, яростно жужжащих, но лишенных возможности вырваться наружу. Эта «картинка» определенно имела отношение к грохоту, который время от времени раздавался над головами. Он задался вопросом, сколько пройдет времени, прежде чем громобой или громобои, находящиеся наверху, найдут лестницу.

– А потом она положила трубку. После этого я позвонил моей жене в Милтон.

– Вы до нее дозвонились? – Клаю требовалась полная ясность.

– Она была очень испугана. Просила меня приехать домой. Я сказал, что мне посоветовали не выходить на улицу и

запереть двери. Посоветовали в полиции. И я велел ей сделать то же самое. Запереть двери и не высовываться. Она молила меня приехать домой. Сказала, что с улицы доносятся выстрелы, а где-то рядом что-то взорвалось. Сказала, что видела голого мужчину, бегущего через двор Бензиков. Бензики – наши соседи.

– Да, да. – Том говорил все тем же мягким, успокаивающим голосом. Клай промолчал. Он стыдился той злости, которую вызывал у него мистер Рикарди, но и Том тоже злился на портье.

– Она сказала, что голый мужчина, кажется… *кажется*, она сказала, *кажется*… нес тело… м-м-м… голого ребенка. Но, возможно, это была кукла. Она вновь принялась умолять меня покинуть отель и приехать домой.

Клай узнал все, что требовалось. Проводная связь опасности в себе не таила. Мистер Рикарди был в шоке, но определенно не рехнулся. Клай положил руку на трубку. Мистер Рикарди положил руку на руку Клая, прежде чем он эту трубку снял. Пальцы у мистера Рикарди были длинные, бледные, холодные. Мистер Рикарди еще не закончил. Мистер Рикарди требовал, чтобы его дослушали.

– Она назвала меня сукиным сыном и бросила трубку. Я знал, что она злится на меня, и понимал за что. Но полиция велела мне запереть двери и никуда не уходить. Полиция велела мне не появляться на улице. Полиция. *Власти*.

Клай кивнул.

– Власти, само собой.

– Вы приехали на подземке? – спросил мистер Рикарди. – Я всегда пользуюсь подземкой. Станция в двух кварталах от отеля. Очень удобно.

– Только не сегодня, – ответил Том. – После того, что мы недавно видели, меня не заставить спуститься под землю под страхом смерти.

Мистер Рикарди с жадным интересом, какой иной раз проявляют на похоронах, посмотрел на Клая.

– Вы видели?

Клай вновь кивнул.

– Вам лучше оставаться здесь. – Он произносил эти слова, зная, что сам хочет добраться до дома и увидеть мальчика. Шарон, разумеется, тоже, но прежде всего мальчика. Зная, что никому и ничему не позволит остановить его, за исключением смерти. Необходимость вернуться давила на него, набрасывала тень на все его мысли. – Гораздо лучше. – Он снял трубку и нажал на кнопку «9», чтобы выйти в город. Не ожидал, что услышит непрерывный гудок, но услышал. Набрал «1», потом «207», код штата Мэн, затем «692», код зоны, охватывающей Кент-Понд и соседние городки. Набрал три из четырех последних цифр, уже практически добрался до дома, о котором по-прежнему думал как о своем, когда набор прервали три далеких коротких гудка. А потом в трубке послышался записанный на пленку женский голос: «Мы очень сожалеем, но все линии заняты. Пожалуйста, позвони-

те позже».

Голос сменили частые короткие гудки: какое-то автоматическое устройство в Мэне оборвало связь… если голос робота доносился оттуда. Клай уронил трубку на плечо, словно она вдруг налилась свинцом. Потом положил на рычаг.

13

Том сказал ему, что он – безумец, если хочет уйти.

Во-первых, указал он, в «Атлантик-авеню инн» они в относительной безопасности, учитывая, что лифты отключены, кабины на первом этаже, а дверь на лестницу заблокирована. Находилась дверь в коротком коридорчике за лифтовыми шахтами, а заблокировали они ее, завалив коридорчик коробками и чемоданами из комнаты хранения багажа. Если бы какой-то экстраординарный силач попытался открыть дверь с противоположной стороны, ему удалось бы только сдвинуть эту кучу к противоположной стене, создав зазор примерно в шесть дюймов. Слишком маленький, чтобы пролезть.

Во-вторых, хаос в городе, за пределами их маленького убежища, только нарастал. Снаружи постоянно доносились вой сирен различных сигнализаций, крики, вопли, рев автомобильных двигателей, иногда в вестибюле пахло дымом, но ветерок дым этот по большей части уносил. *Пока уносил*, подумал Клай, но вслух ничего говорить не стал, не хотел еще больше пугать девушку. Продолжали греметь и взрывы, не по одному, а, можно сказать, залпами. Один раздался совсем близко, и они все пригнулись в уверенности, что большое окно разлетится вдребезги. Не разлетелось, но после этого взрыва они перебрались в кабинет мистера Рикарди.

Третья причина, названная Томом в подтверждение того, что Клай – безумец, если хочет покинуть относительную безопасность «Атлантик-авеню инн», состояла в следующем: часы показывали четверть шестого. День катился к вечеру. Том утверждал, что попытка покинуть Бостон в темноте – бредовая идея.

– Взгляни туда. – Он указал на маленькое окно кабинета мистера Рикарди, выходящее на Эссекс-стрит. Проезжую часть перекрыли брошенные автомобили. Тело, правда, они видели только одно. Молодой женщины в джинсах и свитере «Ред сокс». Женщина лежала на тротуаре лицом вниз, раскинув руки, словно умерла, пытаясь уплыть. «ВЕЙРИТЕК»[25], – прочитал он на свитере. – Ты считаешь, что сможешь уехать на автомобиле? Если так, советую тебе подумать еще раз.

– Он прав, – подал голос мистер Рикарди. В сумраке кабинета, он сидел за столом, сложив руки на узкой груди. – Вы же поставили автомобиль в гараж на Тэмуорт-стрит. Я сомневаюсь, что вам удастся даже добыть ключи.

Клай, который уже смирился с тем, что автомобиль потерян безвозвратно, открыл рот, чтобы сказать, что не собирается уезжать на автомобиле (во всяком случае, от отеля), когда над головой громыхнуло, на этот раз с такой силой, что задрожал потолок. Грохот сопровождался едва слышным звоном бьющейся посуды. Алиса Максвелл, которая сидела на стуле по другую сторону стола мистера Рикарди, нервно

---

[25] Вейритек Джейсон – игрок победного состава «Ред сокс».

вскинула глаза к потолку и, похоже, еще глубже ушла в себя.

– Что у вас наверху? – спросил Том.

– Зал ирокезов, – ответил мистер Рикарди. – Самый большой из наших трех конференц-залов, мы используем его как склад. Держим там столы, стулья, аудио– и видеооборудование. – Он помолчал. – Хотя ресторана у нас нет, иногда мы устраиваем «шведский стол» на коктейль-пати, если клиентам требуется такая услуга. Когда наверху грохнуло в последний раз…

Он не договорил, но, по мнению Клая, нужды в этом не было. Когда над головой грохнуло в последний раз, в Зале ирокезов перевернули тележку, доверху заставленную посудой, тогда как раньше безумец, который метался по залу, переворачивал пустые тележки, столы и стулья. Жужжал на втором этаже, как муха, попавшая в ловушку между закрытым окном и сетчатым экраном. Чтобы найти выход, мозгов не хватало, он мог только бегать и громить, бегать и громить.

Внезапно заговорила Алиса, впервые за последние чуть ли не полчаса. И впервые с момента их встречи заговорила сама, не в ответ на обращение к ней:

– Вы что-то сказали насчет какой-то Дорис.

– Дорис Гутиэррес, – закивал мистер Рикарди. – Старшая горничная. Прекрасная работница. Возможно, лучшая из всех. Когда я в последний раз говорил с ней, она была на третьем этаже.

– У нее был?.. – Последнего слова Алиса не произнесла.

Заменила его жестом, который стал таким же знакомым, как указательный палец, подносимый к губам: просьбы помолчать. Алиса подняла правую руку к лицу, так, что большой палец коснулся мочки уха, а мизинец оказался повыше уголка рта.

– Нет, – строго ответил мистер Рикарди. – Сотрудники должны оставлять их в своих шкафчиках в раздевалке, когда приходят на работу. При первом нарушении их предупреждают. Второе может привести к увольнению. Я говорю им об этом при приеме на работу. – Одно тощее плечо приподнялось и опустилось, пожатие плеч получилось половинчатым. – Это политика администрации, не моя.

– Она бы пошла на второй этаж, чтобы разобраться с причиной шума? – спросила Алиса.

– Вероятно, – ответил мистер Рикарди. – Не могу этого знать. Мне известно лишь одно: последний раз я говорил с ней, когда она позвонила с третьего этажа, чтобы сказать, что потушила огонь в корзинке для мусора. По пейджеру она не отвечает. Я дважды посылал ей сообщения.

Клай не хотел говорить вслух: «Видите, здесь тоже небезопасно», – поэтому посмотрел мимо Алисы на Тома, пытаясь взглядом донести до него эту мысль.

– Сколько, по-вашему, людей на верхних этажах? – спросил Том.

– Не могу знать.

– А если прикинуть?

– Немного. Если говорить о горничных, то скорее всего одна Дорис. Дневная смена уходит в три часа, вечерняя приходит в шесть. – Мистер Рикарди поджал губы. – Пародия на экономию. Экономической мерой это назвать нельзя, потому что результата нет. Что же касается гостей… – Он задумался. – После полудня у нас затишье, просто штиль. Гости, которые приехали вчера вечером, уже, разумеется, выписались, расчетный час в «Атлантик-авеню инн» – двенадцать ноль-ноль… Те, кто заезжает сегодня, начали бы регистрироваться в четыре часа, в обычный день. А нынче у нас день очень даже необычный. Гости, которые остаются на несколько дней, обычно приезжают в Бостон по делам. Как, полагаю, приехали вы, мистер Риддл.

Клай кивнул, не стал поправлять мистера Рикарди, который никак не мог правильно произнести его фамилию.

– К середине дня люди, приехавшие в Бостон по делам, обычно уходят, чтобы ими и заняться. Поэтому, как вы понимаете, днем в отеле практически никого нет.

Словно опровергая его слова, над головами опять что-то грохнуло, послышался звон разбиваемой посуды и едва различимое звериное рычание. Они посмотрели вверх.

– Клай, послушай, – Том повернулся к нему, – если этот парень найдет лестницу… Не знаю, способны ли эти люди думать, но…

– Судя по тому, что мы видели на улице, – ответил Клай, – неправильно даже называть их людьми. Я вот представляю

этого парня наверху мухой, попавшей в ловушку между окном и сетчатым экраном. Муха, попавшая в такую ловушку, может выбраться, если найдет дырку… и этот парень может найти лестницу, но, если и найдет, думаю, лишь благодаря случаю.

– А когда спустится вниз и обнаружит, что дверь в вестибюль заблокирована, воспользуется дверью запасного выхода, которая ведет в проулок, – с удивительной для него живостью внес свою лепту мистер Рикарди. – Мы услышим сигнал тревоги, он раздастся, если кто-то отодвинет засов, и узнаем, что этот тип ушел. Одним психом у нас станет меньше.

Где-то на юге от отеля взорвалось что-то большое, и они все вздрогнули. Клай решил, что теперь знает, какой была жизнь в Бейруте 1980-х годах.

– Я пытаюсь донести до вас один важный момент, – сказал он.

– Я так не думаю, – покачал головой Том. – Ты все равно уйдешь, потому что тревожишься о жене и сыне. И пытаешься убедить нас, потому что тебе нужна компания.

От раздражения Клай шумно выдохнул.

– Конечно, мне нужна компания, но уговорить вас пойти со мной я стараюсь не по этой причине. Запах дыма все сильнее, а когда в последний раз вы слышали пожарную сирену?

Никто не ответил.

– Я тоже не слышал. И не думаю, что ситуация в Бостоне будет улучшаться, во всяком случае, в ближайшее время.

Все будет только хуже. Если причиной стали сотовые телефоны…

– Она хотела оставить отцу сообщение на автоответчике, – прервала его Алиса. Говорила быстро, словно торопилась все выложить до того, как откажет память. – Хотела напомнить ему, что нужно зайти в химчистку. Ей требовалось желтое шерстяное платье для завтрашнего заседания комитета, а мне – второй комплект формы для субботней игры на выезде. Это было в такси. А потом мы врезались! *Она душила этого человека и кусала его, тюрбан слетел, по лицу текла кровь, и мы врезались!*

Алиса оглядела три уставившихся на нее лица, потом закрыла свое руками и разрыдалась. Том уже хотел утешить ее, но мистер Рикарди удивил Клая. Он опередил Тома, обойдя стол и обняв девушку сухонькой рукой.

– Не надо так волноваться, юная леди. Я уверен, это было какое-то недоразумение, ничего больше.

Она посмотрела на него широко раскрытыми, дикими глазами.

– Недоразумение? – указала на пятно высохшей крови на платье. – Для вас это выглядит как недоразумение? Я воспользовалась приемами карате, которым меня обучили в школе на уроках самообороны. Я отбивалась приемами карате от родной матери. Думаю, сломала ей нос… я в этом уверена… – Алиса затрясла головой, волосы летали из стороны в сторону. – И все равно если бы не смогла нащупать

ручку за спиной и открыть дверцу…

– Она бы тебя убила, – ровным, бесстрастным голосом закончил Клай.

– Она бы меня убила, – шепотом согласилась Алиса. – Она не знала, кто я. Моя родная мать, – перевела взгляд с Клая на Тома. – Это сотовые телефоны, – продолжила тем же шепотом. – Сотовые телефоны, все так.

14

– Так сколько этих чертовых штуковин в Бостоне? – спросил Клай. – Какая часть населения имеет мобильники?

– Учитывая большое количество студентов, я бы сказал, огромная. – Мистер Рикарди вернулся за стол и чуть ожил. Может, так подействовала на него предпринятая попытка утешить девушку, может, сказался связанный с бизнесом вопрос. – Хотя телефоны есть, конечно же, не только у молодежи. Только месяц или два назад я прочитал статью в «Инк.», где утверждалось, что в материковом Китае сотовых телефонов чуть ли не больше, чем людей в Соединенных Штатах. Можете вы себе такое представить?

Представлять такое Клаю не хотелось.

– Ладно, – Том с неохотой кивнул, – я понял, к чему ты клонишь. Кто-то… какая-то террористическая организация научилась манипулировать с сигналами мобильников. Если ты кому-то звонишь, или звонят тебе, или ты посылаешь сообщение, к тебе приходит что-то вроде… что может прийти? Какая-то команда на подсознательном уровне, наверное… которая сводит тебя с ума. Звучит как научная фантастика, но, полагаю, пятнадцать или двадцать лет назад нынешние сотовые телефоны для большинства людей тоже казались фантастикой.

– Я практически уверен, что именно так все и происхо-

дит, – согласился Клай. – И от команды этой мало не покажется даже тому, кто только подслушивает разговор. – Он думал о фее Темной. – Но самое ужасное в другом. Когда люди видят, что вокруг творится что-то странное…

– Их первое желание – вытащить мобильник и попытаться выяснить, что происходит, – закончил Том.

– Да, – вздохнул Клай. – Я видел, как люди это делали.

Том уныло смотрел на него.

– Я тоже.

– Но я не понимаю, какое отношение имеет все это к тому, что вы хотите уйти из такого безопасного места, как наш отель, тем более на ночь глядя, – признался мистер Рикарди.

Словно в ответ прогремел взрыв. За ним последовали полдюжины других, донеслись с юго-востока, как шаги уходящего великана. Что-то громыхнуло и наверху, кто-то там вскрикнул от ярости.

– Я не думаю, что у безумцев хватит мозгов покинуть город. Не может же этот парень наверху найти лестницу, – пояснил Клай.

На мгновение ему показалось, что выражение лица Тома изменилось от шока. Потом понял, что причина – удивление. Может, даже изумление. И просыпающаяся надежда.

– Господи. – Он даже шлепнул себя по щеке. – *Они* никуда не могут уйти. Я как-то об этом не подумал.

– Это еще не все, – заговорила Алиса. Она кусала нижнюю губу и смотрела на свои руки, пальцы которых то спле-

тались, то расплетались. Наконец заставила себя взглянуть на Клая. – С наступлением темноты идти будет безопаснее.

– Почему, Алиса?

– Если они не могут тебя видеть… если ты можешь за что-то зайти, если ты можешь спрятаться… они тут же забывают о тебе.

– С чего ты это взяла, сладенькая? – спросил Том.

– Потому что я спряталась от мужчины, который преследовал меня, – тихим голосом ответила она. – Того парня в желтой футболке. Это случилось перед тем, как я увидела вас. Я спряталась в проулке. За одним из мусорных контейнеров. Страшно перепугалась, подумала, что деваться мне некуда, выскочить я не сумею, если он пойдет за мной, но я не могла придумать ничего другого, кроме как спрятаться за контейнер. Я видела, как он остановился у входа в проулок, начал оглядываться, заходил взад-вперед, кругами, нарезал круги волнения, как сказал бы мой дедушка. Поначалу я думала, что он играет со мной. Потому что он не мог не видеть, что я забежала в проулок. Я опережала его на несколько футов… на несколько футов… еще чуть-чуть, и он мог бы схватить меня… – Алису начало трясти. – Но оказавшись за контейнером, я словно стала… ну, не знаю…

– С глаз долой, из мозга вон, – перефразировал известную пословицу Том. – Но если он был так близко, почему ты не побежала дальше?

– Потому что не могла, – ответила Алиса. – Просто не

могла. Ноги стали резиновыми, а я вся ужасно дрожала, чувствовала, что меня вот-вот разорвет изнутри. Но, как выяснилось, бежать дальше необходимости не было. Он описал еще несколько кругов волнения, бормоча все ту же галиматью, а потом ушел. Я не могла в это поверить. Думала, что он затаился, пытается выманить меня из проулка, а потом напасть, но при этом знала, что он слишком безумен для таких планов. – Она коротко глянула на Клая, потом вновь уставилась на свои руки. – Мне не повезло в том, что я вновь наткнулась на него. Следовало сразу пойти с вами. Но я иногда веду себя так глупо.

– Ты же плохо соображала от пережитого ст… – начал Клай, и тут, откуда-то с востока, до них долетел самый мощный, оглушающий взрыв, заставивший их броситься на пол и заткнуть уши. И тут же они услышали, как вдребезги разлетелось окно в вестибюле.

– Господи… – прошептал мистер Рикарди. Широко раскрытыми глазами и лысой головой он напомнил Клаю Папашу Уорбакса, наставника сиротки Энни[26]. – Должно быть, суперзаправочная станция «Шелл», которую построили на Ниленд-стрит. Ею пользуются все такси и «утки». Она именно в той стороне, где рвануло.

Клай понятия не имел, прав Рикарди или нет, запаха горящего бензина он не чувствовал (по крайней мере пока),

---

[26] Сиротка Энни – персонаж комиксов художника Гарольда Грея (с 1924 г.) и радиопостановок, любимая героиня американских детей 1920—1930-х гг.

но мысленным взором – с визуализацией у него, художника, проблем быть не могло – легко представил себе треугольник городского бетона, горящий, как пропановый факел, в спускающихся сумерках.

– Может гореть современный большой город? – спросил он Тома. – Построенный главным образом из бетона, металла и стекла? Может гореть, как горел Чикаго после того, как корова миссис О'Лири ногой перевернула керосиновую лампу[27]?

– История с коровой не более чем городская легенда, – встряла Алиса. Она терла шею и затылок, словно у нее разболелась голова. – Так говорит миссис Мейерс, наша учительница американской истории.

– Конечно, может, – ответил Том. – Посмотри, что случилось с Всемирным торговым центром после того, как в башни врезались самолеты.

– Самолеты с полными баками, – указал мистер Рикарди.

И стоило лысому портье упомянуть про керосин в самолетных баках, как в маленькой комнатке запахло горящим бензином, запах этот проникал в вестибюль через разбитые дверные панели и окно, просачивался под дверью кабинета, как злой дух.

– Как я понимаю, насчет заправочной станции «Шелл» вы

---

[27] Чикагский пожар 8–9 октября 1871 г. уничтожил более 17 тысяч зданий, унес не меньше 250 жизней, оставил без крова порядка 100 тыс. горожан (треть населения города). Причины пожара неизвестны, но версий более чем достаточно.

попали в десятку, – заметил Том.

Мистер Рикарди подошел к двери между кабинетом и вестибюлем. Отпер и открыл. Через дверной проем Клай увидел вестибюль, покинутый, темный, никому не нужный. Мистер Рикарди шумно втянул носом воздух, закрыл дверь, запер ее.

– Запах слабеет.

– Вы принимаете желаемое за действительное. – В голосе Клая слышалось сомнение. – Или так, или ваш нос к нему привыкает.

– Думаю, он прав, – поддержал портье Том. – Дует достаточно сильный западный ветер, то есть воздух несет к океану, а если мы только что слышали, как взорвалась новая заправочная станция, которую построили на углу Ниленд– и Вашингтон-стрит, около Медицинского центра Новой Англии…

– Именно она, все так, – перебил его мистер Рикарди. На его лице отражалось глубокое удовлетворение. – Строительство вызвало такие протесты! Но все решили взятки, можете мне…

– …тогда больница сейчас горит, – Том не дал ему договорить, – вместе со всеми, кто в ней находится.

– *Нет*. – Алиса поднесла руку ко рту.

– Думаю, да. И на очереди Центр Ванга[28]. К ночи ветер

---

[28] Центр Ванга – культурно-просветительная и учебная некоммерческая организация.

может утихнуть, а вот если не утихнет, тогда к десяти вечера сгорит все, что расположено восточнее Массачусетской автострады.

– Мы находимся западнее, – указал мистер Рикарди.

– Тогда мы в безопасности, – сказал Клай. – Во всяком случае, от этого пожара. – Он подошел к маленькому окну кабинета мистера Рикарди, встал на цыпочки, всмотрелся в Эссекс-стрит.

– Что ты видишь? – спросила Алиса. – Люди есть?

– Нет… да. Один человек. На другой стороне улицы.

– Он – из безумцев? – задала она новый вопрос.

– Не могу сказать. – Но он мог. По дерганому бегу, по тому, как человек постоянно оглядывался. В какой-то момент, до того, как скрыться за углом на перекрестке с Линкольн-стрит, мужчина чуть не врезался в стеллаж с овощами и фруктами, выставленный перед продовольственным магазином. И хотя Клай не слышал его, он видел, как непрерывно шевелятся губы мужчины. – Все, ушел.

– Больше никого нет? – спросил Том.

– Сейчас нет, только дым. – Клай помолчал. – А еще сажа и пепел. Как много, сказать не могу. Кружит ветром.

– Ладно, ты меня убедил, – принял решение Том. – Уроки я усваиваю медленно, но не из тех, кого ничему нельзя научить. Городу суждено сгореть, и в нем не останется никого, кроме безумцев.

– Думаю, ты прав, – ответил Клай. Только он не думал, что

выведенная Томом формула относится исключительно к Бостону. Просто на данный момент он не хотел заглядывать за границы этого города. Со временем он мог расширить свой кругозор, но лишь убедившись, что Джонни в безопасности. А может, общая картина всегда находилась бы за пределами его понимания. В конце концов на жизнь он зарабатывал маленькими картинками. Но, как бы то ни было, эгоистичная личность, которая жила в глубинах его подсознания, не преминула послать ясную и четкую мысль. Она пришла, расцвеченная синевой и темным, сверкающим золотом. *Почему из всех дней такое случилось именно сегодня? Аккурат после того, как мне наконец-то удалось пройти в дамки*?

– Если вы уйдете, могу я пойти с вами? – спросила Алиса.

– Конечно. – Клай посмотрел на портье. – Вы тоже можете пойти, мистер Рикарди.

– Я останусь на своем посту, – надменно произнес тот, но Клаю показалось, что в глазах, когда он отводил взгляд, стояла тоска.

– Не думаю, что вы впадете в немилость у начальства, если в сложившейся ситуации закроете кабинет на ключ и уйдете. – Как обычно, Том говорил мягко, и эта его манера очень нравилась Клаю.

– Я останусь на своем посту, – повторил портье. – Мистер Доннелли, дневной менеджер, пошел в банк, чтобы сдать деньги, и оставил отель на меня. Если он вернется, тогда, возможно…

– Пожалуйста, мистер Рикарди, – обратилась к нему Алиса. – Оставаться здесь нельзя.

Но мистер Рикарди, который вновь скрестил руки на груди, только покачал головой.

15

Они отодвинули стулья, сработанные в стиле мебели королевы Анны, и мистер Рикарди, повернув ключи, открыл замки. Клай выглянул на улицу. Вроде бы не увидел людей ни с одной, ни с другой стороны, но мог и ошибиться из-за большого количества пепла и сажи. Черные «снежинки» танцевали на ветру.

– Пошли. – Для начала они планировали добраться только до кафе «Метрополь» в соседнем доме.

– Я собираюсь запереть дверь и поставить стулья на место, – предупредил мистер Рикарди, – но я буду слушать. Если вы нарветесь на неприятности… если эти… люди… будут прятаться в кафе «Метрополь» и вам придется отступить, запомните, пожалуйста, что вам нужно крикнуть: «Мистер Рикарди, мистер Рикарди, вы нам нужны!» И я буду знать, что могу без опаски открывать дверь. Это понятно?

– Да, – ответил Клай. Сжал худое плечо мистера Рикарди. Портье поморщился, но не сдвинулся с места (хотя и не выказал удовольствия от такого проявления дружеских чувств). – Вы – свой парень. Поначалу я так не думал, но потом понял, что ошибался.

– Надеюсь, я делаю все, что в моих силах, – сухо ответил лысый портье. – Главное, помните…

– Мы запомним, – ответил Том. – И вернемся, может, че-

рез десять минут. Если у вас возникнут проблемы, кричите.

– Хорошо. – Но Клай сомневался, что мистер Рикарди закричит. Он не мог сказать, с чего так решил, трудно представить себе человека, который не закричит, если крик этот может уберечь его от беды, но Клай точно знал, крика портье им не дождаться.

– Пожалуйста, передумайте, мистер Рикарди, – вновь попыталась уговорить его Алиса. – В Бостоне небезопасно, теперь вы должны это знать.

Мистер Рикарди только отвернулся. И Клай подумал не без удивления: *Вот как выглядит человек, когда делает вывод, что лучше смерть, чем перемены*.

– Пошли. – Клай двинулся первым. – Давайте приготовим сандвичи, пока еще есть электричество и можно зажечь свет.

– И бутилированная вода нам не повредит, – добавил Том.

16

Электричество отключилось, когда они заворачивали последний сандвич в маленькой, чистенькой, выложенной белым кафелем кухне кафе «Метрополь». К тому времени Клай еще трижды пытался прозвониться в штат Мэн: один раз домой, второй – в начальную школу Кент-Понда, где преподавала Шарон, третий – в промежуточную школу[29] Джошуа Чемберлена, где учился Джонни. Дальше кода штата Мэн, «207», ему пробиться не удалось.

Когда свет в «Метрополе» погас, Алиса закричала, как показалось Клаю, в кромешной тьме. Потом включилось аварийное освещение, но Алису это не успокоило. Одной рукой она вцепилась в Тома. И размахивала другой, с зажатым в ней большим хлебным ножом, которым резала сандвичи. Ее глаза широко раскрылись и остекленели.

– Алиса, положи нож. – Голос Клая прозвучал резче, чем ему хотелось. – Иначе ты порежешь кого-нибудь из нас.

– Или себя, – добавил Том обычным, мягко-успокаивающим голосом. Его очки поблескивали в свете аварийных ламп.

Девушка положила нож, но тут же схватила его.

---

[29] Промежуточная школа – один из этапов обучения по схеме: начальная-промежуточная-средняя школа, рассчитан на детей в возрасте от 9 до 13 лет (4—8-е классы).

– Мне он нужен. Я возьму его с собой. У тебя есть нож, Клай. Я тоже хочу.

– Хорошо, – кивнул он, – но у тебя нет пояса. Мы сделаем его из скатерти. А пока будь осторожнее.

Половину сандвичей они сделали с сыром и ростбифом, половину – с сыром и окороком. Алиса завернула их в бумагу. Под кассовым аппаратом Клай нашел стопку пакетов с ручками с надписью «ПАКЕТ ДЛЯ СОБАК» на одной стороне и «ПАКЕТ ДЛЯ ЛЮДЕЙ» – на другой. Они с Томом уложили сандвичи в два пакета, а в третий сунули три бутылки воды.

Столы накрыли к обеду, который, увы, состояться уже не мог. Два или три стола перевернули, но на остальных все стояло как положено, стаканы и столовые приборы поблескивали в жестком свете настенных ламп аварийного освещения. От их упорядоченности у Клая защемило сердце. Белизна аккуратно сложенных салфеток, маленькие электрические лампы на каждом столике. Они не горели, и Клай подозревал, что пройдет много времени, прежде чем они зажгутся вновь.

Он видел, как Алиса и Том оглядывают зал, на лицах читалась та самая грусть, что заполнила его сердце, и у него вдруг возникло желание, чуть ли не маниакальное, хоть как-то подбодрить их. Он вспомнил фокус, который когда-то показывал сыну. Вновь подумал о сотовом телефоне Джонни, и паника-крыса еще раз проверила прочность клетки. Но Клай

всем сердцем надеялся, что этот чертов мобильник лежит забытый под кроватью Джонни-малыша среди катышков пыли, с совсем-совсем-совсем разряженным аккумулятором.

– Посмотрите сюда, – он отставил в сторону пакет с сандвичами, – и, пожалуйста, обратите внимание, на ловкость моих рук. – Он ухватился за свисающий край скатерти.

– Сейчас не время для салонных фокусов, – заметил Том.

– Я хочу посмотреть, – возразила Алиса, и впервые после встречи с ней они увидели на ее лице улыбку. Маленькую, но улыбку.

– Нам нужна скатерть, – пояснил Клай. – На это уйдет секунда, а кроме того, дама хочет посмотреть. – Он повернулся к Алисе. – Но ты должна сказать волшебное слово. Возможно, подойдет «Шейзэм!».

– Шейзэм! – воскликнула Алиса, и Клай резко дернул скатерть обеими руками.

Фокус этот он не показывал уже два, может, три года и едва не провалился. Но при этом его ошибка, вероятно, отсутствие должной резкости рывка, добавила фокусу очарования. Тарелки, столовые приборы, стаканы, настольная лампа, вместо того чтобы остаться на месте после магического исчезновения из-под них скатерти, сдвинулись примерно на четыре дюйма вправо. Ближайший к Клаю стакан остановился на самом краю, чуть меньшая часть его круглого основания зависла над полом.

Алиса зааплодировала, потом засмеялась. Клай покло-

нился, раскинув руки.

– Теперь мы можем идти, о великий Вермишель? – спросил Том, но он тоже улыбался. Клай видел, как в свете ламп аварийного освещения поблескивают его маленькие зубы.

– Как только я снабжу ее поясом, – ответил Клай. – Тогда она сможет нести нож с одного бока, а сандвичи – с другого. А ты возьмешь воду. – Он сложил квадратную скатерть по диагонали, превратив в треугольник, потом быстро свернул трубочкой, просунул ее под ручки пакета с сандвичами, потом обернул вокруг узкой талии девушки – хватило на полтора оборота, – концы завязал узлом у нее на спине. Закончил тем, что с правой стороны засунул за самодельный пояс хлебный нож с пилообразным лезвием.

– А ты у нас умелец, – восхитился Том.

– Ловкость рук, и все тип-топ, – ответил Клай, и тут же снаружи что-то взорвалось, так близко, что задрожали стены кафе. Стакан, который стоял на самом краю, нависая над ним чуть ли не половиной основания, потерял равновесие, упал на пол, разбился. Все трое посмотрели на осколки. Клай уже хотел сказать им, что не верит в приметы, но решил, что лучше от этого не будет. А кроме того, в приметы он верил.

17

У Клая были причины для возвращения в отель «Атлантик-авеню инн». Во-первых, он хотел забрать свой портфель, который остался в вестибюле. Во-вторых, сделать из чего-нибудь чехол для ножа Алисы. Полагал, что подойдет мешочек для бритвенных принадлежностей, если он окажется достаточно длинным. В-третьих, дать мистеру Рикарди еще один шанс уйти с ними. Он удивился, осознав, что попытка уговорить лысого портье уйти с ними для него важнее забытого портфеля с рисунками. Пусть с неохотой, но он проникся симпатией к этому человеку.

Когда признался в этом Тому, тот, к его удивлению, кивнул.

– У меня такое же отношение к пицце с анчоусами. Я говорю себе, есть что-то отвратительное в сочетании сыра, томатного соуса и дохлой рыбы… но иногда меня охватывает постыдное желание, и я не могу перед ним устоять.

На улице и между зданиями мела черная пурга из сажи и пепла. Завывали, звенели, ревели сигнализации, автомобильные, противопожарные, охранные. Тепла в воздухе не чувствовалось, но Клай слышал характерное потрескивание пожара к югу и востоку от них. Усилились свойственные пожару запахи. Слышали они и громкие крики, которые доносились со стороны Коммон, оттуда, где Бойлстон-стрит рас-

ширялась.

Когда они подошли к отелю «Атлантик-авеню инн», Том помог Клаю отбросить один из стульев от прямоугольного проема в двери, который раньше закрывала стеклянная панель. Вестибюль уже окутал сумрак, в котором более темными тенями выделялись регистрационная стойка мистера Рикарди и диван. Если бы Клай уже не побывал внутри, он бы не догадался, что представляют собой эти тени. Единственная лампочка аварийного освещения горела над лифтами. Закрепленный под лампой аккумулятор гудел, как шмель.

– Мистер Рикарди? – позвал Том. – Мистер Рикарди, мы вернулись, чтобы узнать, не передумали ли вы.

Ответа не последовало. Секунду спустя Алиса начала осторожно вынимать осколки стекла, еще торчащие из рамы.

– *Мистер Рикарди!* – вновь позвал Том, не получив ответа, повернулся к Клаю. – Ты туда полезешь?

– Да. Чтобы взять портфель. Там мои рисунки.

– Разве у тебя нет копий?

– Это оригиналы, – ответил Клай, как будто эти два слова все объясняли. Для него – да. И потом, не следовало забывать про мистера Рикарди. Он же сказал: «Я буду слушать».

– А если Громобой со второго этажа достал его? – спросил Том.

– Если бы это случилось, мы бы услышали, как он гремит здесь, – ответил Клай. – Если уж на то пошло, он бы выбежал на наши голоса, балаболя, как тот парень, который хотел нас

зарезать около Коммон.

– Ты этого не знаешь. – Алиса жевала нижнюю губу. – Тебе слишком рано думать, что ты знаешь все правила.

Разумеется, правда была на ее стороне, но они не могли стоять у дверей, обсуждая этот, безусловно, важный вопрос. Пользы такая дискуссия принести не могла.

– Буду осторожен, – пообещал он и поставил ногу на основание узкого проема. Но его ширины хватило, чтобы Клай смог протиснуться. – Я только загляну в его кабинет. Если не найду, не стану рыскать по вестибюлю, как какая-нибудь девица в фильме ужасов. Только возьму портфель, и мы сматываемся.

– Кричи, – попросила его Алиса. – Что-нибудь вроде: «Я в порядке. Проблем нет». Все время.

– Ладно, но если я замолчу, уходите. Не лезьте за мной.

– Не волнуйся, – заверила она его без тени улыбки. – Я тоже видела все эти фильмы. У нас есть «Синемакс»[30].

---

[30] Кабельный телевизионный канал, по которому в основном демонстрируются фильмы.

18

– Я в порядке, – крикнул Клай, подхватив свой портфель и ставя его на регистрационную стойку. *Можно возвращаться*, подумал он. Правда, оставалось еще одно дельце.

Он оглянулся, обходя регистрационную стойку, и увидел, что один проем из-под разбитой стеклянной панели чуть светится, плавая в окружающей темноте, и частично закрыт двумя силуэтами, выделяющимися на фоне уходящего дня.

– Я в порядке, по-прежнему в порядке, только загляну в его кабинет, все еще в порядке, все еще…

– Клай. – Голос Тома переполняла тревога, но в этот момент Клай не смог ответить и успокоить Тома. По центру кабинета, под высоким потолком висела люстра. А на люстре, похоже, на шнуре, каким подвязывают портьеры, висел мистер Рикарди. С белым пластиковым мешком на голове. Клай подумал, что это один из тех мешков, какие выдают гостям, чтобы положить в них вещи, которые нужно постирать или почистить. – Клай, ты в порядке?

– *Клай?* – пронзительно выкрикнула Алиса на грани истерики.

– В порядке, – услышал он себя. Рот действовал сам по себе, обходясь без команды мозга. – Я все еще здесь. – Он думал о том, как выглядел мистер Рикарди, когда говорил: «Я останусь на своем посту». Слова прозвучали высокопар-

но, но глазами, испугом и покорностью судьбе, которые читались в них, он напоминал маленького енота, загнанного в угол гаража большим злобным псом. – Уже иду.

Он попятился, словно мистер Рикарди мог выскользнуть из самодельной, из шнура для портьер, петли и прыгнуть на него в ту самую секунду, когда он повернется к двери в кабинет спиной. Теперь он не просто боялся за Шарон и Джонни. Его накрыла с головой волна тоски по дому, по ним, и чувство это было таким сильным, что он вдруг вспомнил свой первый день в школе, когда мать оставила его у ворот школьной площадки. Другие родители входили в ворота вместе со своими детьми, но мать сказала ему: «Иди, Клайтон, это твоя первая классная комната, все у тебя будет хорошо, мальчики должны самостоятельно переступать этот порог». Но прежде чем последовать ее словам, он постоял у ворот, наблюдая, как она уходит по Кедровой улице. В синем пальто. И вот теперь, стоя в темноте, он еще раз прочувствовал на себе, что тоска по дому может быть сильной до тошноты.

Том и Алиса – хорошая компания, но как же ему хотелось оказаться рядом с теми, кого он любил.

Обойдя регистрационную стойку, он повернулся лицом к улице и пересек вестибюль. Подошел достаточно близко к двери, чтобы различить испуганные лица своих новых друзей, когда вспомнил, что вновь забыл этот гребаный портфель и теперь нужно возвращаться. Берясь за ручки, он нисколько не сомневался, что вот сейчас из темноты за стойкой

вытянется рука мистера Рикарди и сомкнется на его руке. Этого не произошло, но над головой снова грохнуло. Что-то там оставалось, что-то продолжало рушить все вокруг себя и в темноте. И это что-то до трех часов дня было человеком.

Он уже оставил за спиной половину расстояния, отделявшего регистрационную стойку от двери, когда единственная, питающаяся от аккумулятора лампа аварийного освещения вестибюля мигнула и погасла. *Это нарушение правил противопожарной безопасности*, подумал Клай. *Я должен написать жалобу*.

Он протянул портфель. Том его взял.

– Где он? – спросила Алиса. – Его там не было?

– Мертв. – Мысль о том, что надо бы солгать, мелькнула в голове, но он не думал, что сможет. Слишком велико было потрясение от увиденного. Как человек мог наложить на себя руки, повеситься? Он не понимал, как такое вообще возможно. – Самоубийство.

Алиса заплакала, не зная того, что сама умерла бы у входной двери отеля, если бы Клай с Томом послушали мистера Рикарди. А вот Клай об этом помнил. И тоже с трудом сдерживал слезы, потому что мистер Рикарди проявил себя человеком. Такое свойственно большинству людей, если им предоставляется шанс.

С запада, по темной улице, со стороны Коммон до них долетел крик, слишком громкий, чтобы исторгнуться из человеческих легких. Клай решил, что так, должно быть, трубит

слон. В крике не было боли, не было радости. Одно безумие. Алиса прижалась к нему, он обнял ее. И словно прикоснулся к электрическому кабелю, по которому проходил ток высокого напряжения.

– Если мы собираемся сматываться отсюда, не будем с этим тянуть, – сказал Том. – Если не нарвемся на неприятности, то сможем, идя на север, добраться до Молдена и провести ночь в моем доме.

– Чертовски хорошая идея, – оживился Клай.

Том осторожно улыбнулся.

– Ты действительно так думаешь?

– Действительно. Кто знает, может, нас там уже поджидает патрульный Эшленд.

– Кто такой патрульный Эшленд? – спросила Алиса.

– Полицейский, с которым мы встретились около Коммон, – ответил Том. – Он… скажем так, он нам помог. – Втроем они шагали на восток, к Атлантик-авеню, сквозь падающий с неба пепел и вой сирен. – Конечно, мы его не увидим. Клай пытается шутить.

– Хорошо, что хоть кто-то пытается, – отозвалась Алиса. – На тротуаре, рядом с урной, лежал синий мобильник с треснутым корпусом. Алиса, не сбившись с шага, ударом ноги отправила его в сливную канаву.

– Отличный удар, – похвалил ее Клай.

Алиса пожала плечами.

– Пять лет играю в соккер[31], – и в этот момент зажглись уличные фонари, словно намекая, что еще не все потеряно.

[31] Соккер – так в США называют привычный всем футбол.

Молден

1

Тысячи людей стояли на мосту через реку Мистик[32] и наблюдали, как между Коммонуэлс-авеню[33] и Бостонским портом все горит или еще только загорается. Ветер с запада не стихал и оставался теплым даже после захода солнца, а пламя ревело, как в топке, гася звезды. Из-за горизонта поднялась полная и крайне отвратительная луна. Иногда дым закрывал ее, но куда чаще этот выпученный драконий глаз сиял в чистом небе и смотрел вниз, отбрасывая затуманенный оранжевый свет. Клай подумал, что это луна из комикса-ужастика, но ничего не сказал.

Вообще мало кто говорил. Люди на мосту смотрели на город, который так недавно покинули, наблюдали, как языки пламени добрались до дорогих кондоминиумов на набережной и начали их пожирать. Над поверхностью воды неслись, перемешиваясь друг с другом, трезвон и завывания различных видов сигнализации, в основном пожарных и автомо-

---

[32] Мост через реку Мистик – одна из достопримечательностей Бостона.

[33] Коммонуэлс-авеню – центральная улица района Бэк-Бей. Спланирована на манер парижских Больших бульваров. Застроена красивыми старинными домами.

бильных, на которые накладывался вой сирен. Какое-то время один, усиленный динамиками, механический голос твердил горожанам: «ПОКИНЬТЕ УЛИЦЫ», потом второй начал советовать: «УХОДИТЕ ИЗ ГОРОДА ПЕШКОМ ПО ГЛАВНЫМ УЛИЦАМ, ВЕДУЩИМ НА ЗАПАД И СЕВЕР». Эти две противоречащие друг другу рекомендации несколько минут конкурировали между собой, прежде чем первый голос («ПОКИНЬТЕ УЛИЦЫ») смолк. А через пять минут угомонился и второй («УХОДИТЕ ИЗ ГОРОДА ПЕШКОМ ПО ГЛАВНЫМ УЛИЦАМ, ВЕДУЩИМ НА ЗАПАД И СЕВЕР») и остались только голодный рев раздуваемого ветром огня да ровный, низкий хрумкающий звук (Клай подумал, что с таким звуком, должно быть, рвутся от жара оконные стекла).

Он задался вопросом, как много людей оказалось в ловушке. Зажатые между огнем и водой.

– Помнишь, ты спрашивал, может ли современный город гореть? – повернулся к нему Том Маккорт. В свете пожара его маленькое интеллигентное лицо выглядело усталым и больным. На одной щеке темнело пятно сажи. – Помнишь?

– Замолчите, пошли, – вмешалась Алиса. Потрясенная тем, что происходило у нее перед глазами, она, как и Том, говорила шепотом. *Словно мы в библиотеке*, подумал Клай. Но тут же эту мысль перебила другая. *Нет… на похоронах*. – Можем мы идти? Потому что от всего этого меня мутит.

– Конечно, – кивнул Клай. – Можем, будь уверена. Далеко

до твоего дома, Том?

– Отсюда меньше двух миль, – ответил Том. – Но горит, к сожалению, не только позади. – Дорога вела их на север, а он указал направо. Занимающееся там зарево пожара давало примерно тот же свет, что оранжевые натриевые уличные фонари в облачную ночь, только эта ночь выдалась ясной, а фонари не горели. Но по крайней мере из фонарных столбов не поднимались клубы дыма.

Алиса застонала, потом прикрыла рот, словно боялась, что кто-нибудь из тех, кто молчаливо наблюдал за горящим Бостоном, упрекнет ее в нарушении тишины.

– Не волнуйся. – В голосе Тома звучало мрачное спокойствие. – Мы идем в Молден, а горит, похоже, Ривер. И ветер дует так, что Молдену ничего не грозит.

На том и замолчи, мысленно воззвал к нему Клай, но Том его не услышал.

– Пока, – добавил он.

2

Несколько десятков брошенных автомобилей стояли на нижнем уровне моста, компанию им составляла пожарная машина с надписью «ВОСТОЧНЫЙ БОСТОН» на темно-зеленом борту, в которую врезалась бетономешалка (кабины тоже пустовали), но в основном этот уровень принадлежал пешеходам. *Только теперь их, наверное, следует называть беженцами*, подумал Клай, потом до него дошло, что местоимение «их» он употребил неправильно. *Нас. Нас нужно называть беженцами*.

Практически никто не разговаривал. В большинстве своем люди стояли и молча смотрели на горящий город. А кто не стоял, шли очень медленно, часто оглядываясь. Потом, когда они приблизились к краю моста (он мог видеть Старый броненосец[34], по крайней мере думал, что это Старый броненосец, стоящий на якоре в порту, пока на безопасном расстоянии от огня), он обратил внимание на одну странность. Многие также смотрели и на Алису. Поначалу у него возникла паранойяльная идея: люди думают, что они с Томом похитили девушку и уводят ее из города с какими-то, известными

---

[34] Старый броненосец – «Конститьюшн», военный корабль, спущенный на воду в Бостоне в 1797 г. и принявший участие в 42 морских сражениях. Самый старый военный корабль, находящийся в настоящее время на плаву. Один из музеев Бостона.

только Богу, аморальными намерениями. Так что ему пришлось напомнить себе, что эти призраки на мосту через реку Мистик находятся в состоянии шока, их жизнь перевернулась даже круче, чем у тех, кто стал беженцем по милости урагана Катрина[35] (тогда люди получили хоть какое-то предупреждение), и едва ли им в головы могли приходить такие мысли. Большинство настолько ушли в себя, что им было не до моральных проблем. Потом луна поднялась чуть выше и стала светить чуть ярче, и вот тут он все понял: Алиса была единственным подростком. Даже Клай мог считать себя молодым в сравнении с большинством его товарищей по несчастью, беженцев. Большинству тех, кто сейчас стоял, глазея на огромный факел, пылающий на месте Бостона, или медленно шел к Молдену и Дэнверсу, было за сорок, а многие, судя по внешнему виду, имели право на скидки в кафе быстрого обслуживания «У Денни», предоставляемые по достижении «Золотого возраста»[36]. Он видел несколько пар с маленькими детьми, двух-трех младенцев в колясках, но этим присутствие молодых исчерпывалось.

А чуть дальше ему в глаза бросилось кое-что еще: лежащие на дороге сотовые телефоны. Они попадались буквально через каждые несколько футов и целых среди них не бы-

---

[35] Ураган Катрина, обрушившийся на Атлантическое побережье США в 2005 г., стал самым разрушительным за всю историю страны. Особенно пострадал г. Новый Орлеан и прилегающие к нему районы.

[36] Применительно к сети кафе быстрого обслуживания «У Денни», «Золотой возраст» – 50 лет.

ло. Каждый то ли раздавили, то ли растоптали, превратив в обломки пластика и переплетение проволочек, уничтожили, как опасных ядовитых змей, прежде чем они смогли укусить вновь.

3

– Как тебя зовут, дорогая? – спросила полная женщина, которая подошла к ним уже на шоссе, через пять минут после того, как они миновали мост. Том сказал, что через пятнадцать минут они подойдут к съезду на Салем-стрит, а его дом находится всего в четырех кварталах от съезда. Добавил, что кот будет страшно рад их видеть, вызвав вымученную улыбку на лице Алисы. Клай еще подумал, что лучше вымученная, чем никакая.

Теперь Алиса с инстинктивным недоверием посмотрела на полную женщину, которая отделилась от в основном молчаливых людских групп и коротких цепочек мужчин и женщин (все они едва отличались от теней, некоторые несли чемоданы, кто-то – пластиковые мешки из супермаркетов или рюкзаки на плечах), которые пересекли реку Мистик и теперь шагали на север по шоссе 1, уходили от огромного пожара на юге, полностью отдавая себе отчет, что еще один разгорается в Ривере, на северо-востоке.

Полная женщина рассматривала Алису с живым интересом. Ее седеющие волосы уложили в парикмахерской аккуратными кудряшками. Она была в очках «кошачий глаз» и в коротком пальто, которое мать Клая назвала бы полупальто. В одной руке несла пластиковый пакет, в другой – книгу. Вроде бы безвредная, ничем не напоминающая мобилопси-

хов[37] (они не встретили ни одного после того, как покинули «Атлантик-авеню инн», нагруженные тремя пакетами с едой и питьем), но Клай все равно насторожился. Полная женщина вела себя так, словно они на одном из чаепитий, куда люди приходят, чтобы познакомиться друг с другом, а не убегала из горящего города, и такое поведение не тянуло на нормальное. Но с учетом сложившихся обстоятельств, какое тянуло? Он, возможно, перебирал с подозрительностью, но если так, то перебирал с ней и Том. Потому что не отрывал глаз от этой полной, похожей на заботливую мамашу, женщины, и в его взгляде читалось: «А не пойти ли тебе своей дорогой?»

– Алиса, – наконец ответила Алиса, когда Клай уже решил, что девушка отвечать не собирается. Голос звучал как у ученицы, пытающейся ответить на, по ее разумению, хитрый вопрос, по предмету, который для нее очень сложен. – Меня зовут Алиса Максвелл.

– Алиса, – повторила полная женщина, и губы ее сложились в материнскую улыбку, такую же искреннюю, как и интерес к девушке. Эта улыбка ни в коей мере не могла еще сильнее насторожить Клая, но насторожила. – Прекрасное имя. Оно означает «благословленная Богом».

– В действительности, мэм, Алиса означает «королевской крови» или «благородного происхождения», – вставил Том. – А теперь попрошу нас извинить. Девушка сегодня по-

---

[37] Мобилопсихи – люди, которых превратил в безумцев импульс (сигнал, команда), полученный по мобильнику.

теряла мать, и…

– Мы все сегодня кого-то потеряли, не так ли, Алиса? – На Тома полная женщина даже не посмотрела. Она пристроилась к Алисе, уложенные в парикмахерской кудряшки подпрыгивали в такт каждому шагу. Алиса смотрела на нее с недоверием и зачарованностью. Вокруг шли другие люди, в основном медленно, иногда – быстро, обычно с опущенной головой, в этой непривычной темноте они действительно мало чем отличались от призраков, и Клай по-прежнему не видел молодежи, за исключением нескольких младенцев в колясках, нескольких малышей постарше и Алисы. Никаких подростков, потому что у подростков обычно были мобильники, как у феи Светлой, которую он встретил у магазина на колесах «Мистер Софти». Или как у его собственного сына, у которого был красный «Некстел» с рингтоном из «Семейки монстров» и работающая мать-учительница. Она сейчас могла быть с ним, а могла быть где…

Прекрати. Не выпускай эту крысу. Эта крыса может только бегать, кусаться и грызть собственный хвост.

Полная женщина тем временем продолжала кивать. А кудряшки прыгали вместе с ее кивками.

– Да, мы все кого-то потеряли, потому что пришло время великой Беды. Это все здесь есть, в откровении Иоанна Богослова. – Она подняла книгу, которую несла, и, разумеется, это была Библия. Вот теперь Клай подумал, что лучше различает блеск глаз толстой женщины за очками «кошачий

глаз». И блеск этот говорил не об интересе, а о безумии.

– Так, хватит, игры закончились. – В голосе Тома слышались недовольство (прежде всего собой за то, что позволил толстухе втереться в их компанию и завязать разговор) и тревога.

Толстая женщина не обращала на него ровно никакого внимания. Она гипнотизировала Алису взглядом, и кто мог отогнать ее прочь? У полиции хватало других дел, если она еще существовала. Их окружали только потрясенные, волочащие ноги беженцы, и им не было никакого дела до пожилой безумной женщиной с Библией и в кудряшках.

– Сосуд безумия излился в разум нечестивых, и Город Греха подожжен очищающим факелом *Ие-го-вы!* – воскликнула толстая женщина. Губы она красила красной помадой. Зубы были очень уж ровными, то есть речь шла не о металлокерамике, а о старомодных коронках. – А теперь вы видите, как нераскаявшиеся убегают, да, истинно так, как черви уползают из лопнувшего брюха…

Алиса зажала уши руками. «Заставьте ее замолчать!» – вскрикнула она, и тем не менее тени-призраки, недавние жители большого города Бостона, продолжали идти мимо, лишь некоторые бросили на них мутный, лишенный любопытства взгляд, прежде чем вновь уставиться на лежащую перед ними темноту, в которой где-то впереди находился штат Нью-Хэмпшир.

Лицо толстухи заблестело от пота, она вскинула Библию

над головой, глаза засверкали, парикмахерские кудряшки прыгали и покачивались.

– Опусти руки, девочка, и услышь слово Господа, прежде чем ты позволишь этим людям увести тебя и прелюбодействовать с тобой на пороге открытой двери самого ада! Ибо я видала звезду, сверкающую в небе, и называлась она Полынь, и те, кто следовал за ней, следовали за Люцифером, а те, кто следовал за Люцифером, прямиком направлялись в геенну ог…

Клай ударил ее. В последний момент чуть сдержал удар, но все равно к челюсти приложился от души, почувствовал, как отдача дошла до плеча. Очки толстухи поднялись над крупным носом, но потом вернулись на прежнее место. Глаза за ними лишились блеска и закатились под веки. Колени подогнулись, она начала падать, Библия выскользнула из сжимавших ее пальцев. Алиса, все еще потрясенная и испуганная, тем не менее достаточно быстро оторвала руки от ушей и успела поймать Библию. А Том подхватил женщину под руки. Проделали они все это так ловко, что казалось, заранее согласовали и отрепетировали свои действия.

Клая этот инцидент потряс куда сильнее, чем все, что успело случиться после того, как мир пошел вразнос. Почему толстуха произвела на него большее впечатление, чем перегрызающая шею девочка или размахивающий ножом бизнесмен, большее, чем мистер Рикарди, который надел на голову пластиковый мешок и повесился на люстре своего ка-

бинета, он не знал, но произвела. Он же дал пинка размахивающему ножом бизнесмену, как и Том, но безумство размахивающего ножом бизнесмена вызвал сотовый телефон. А эта пожилая женщина с кудряшками из парикмахерской была всего лишь…

– Господи, – выдохнул он. – Она же просто чокнутая, а я вышиб из нее дух, – и его затрясло.

– Она терроризировала юную девушку, которая в этот день потеряла мать, – сказал Том, и Клай понял, что в голосе коротышки слышится не спокойствие, а экстраординарная холодность. – Ты поступил правильно. А кроме того, старую железную лошадь вроде этой надолго из строя не выведешь. Она уже приходит себя. Помоги мне оттащить ее на обочину.

4

Они уже достигли той части шоссе 1, которую иногда называли Милей чудес, а иногда – Грязным проулком. Если раньше съезды с шоссе встречались редко, то тут шли косяком и вели к винным супермаркетам, дисконтным магазинам одежды, центрам спортивных товаров и дешевым ресторанам с такими названиями, как «Фаддрукерс». Здесь шесть полос движения были если не полностью, то в значительной степени забиты автомобилями, как столкнувшимися, так и просто брошенными, когда водители, запаниковав, хватались за мобильники и сходили с ума. Беженцам приходилось прокладывать сложный путь между застывшими автомобилями, и Клаю Ридделлу они более всего напоминали муравьев, эвакуирующих муравейник, разрушенный ударом сапога какого-то безмозглого человека, проходившего мимо.

Большой зеленый светоотражательный щит с надписью «МОЛДЕН, СЪЕЗД НА САЛЕМ-СТРИТ 1/4 МИЛИ!» стоял у угла низкого розового здания, в который успели забраться грабители. Земля у здания поблескивала осколками стекла, а работающая от аккумулятора охранная сигнализация пыталась издавать какие-то звуки, потребляя остатки запасенной электроэнергии. Клаю хватило одного взгляда на темную вывеску, чтобы понять, что привлекло грабителей сразу после катастрофы: «ВИННЫЙ МАГАЗИН ГИГАНТСКИХ

СКИДОК МИСТЕРА БИГА».

Он вел толстуху за одну пухлую руку, Том – за другую, а Алиса поддержала голову что-то бормочущей женщины, когда они усаживали ее спиной к одной из двух стоек щита-указателя. Едва усадили, как толстуха открыла глаза и посмотрела на них затуманенным взглядом.

Том щелкнул пальцами у нее перед глазами, дважды, громко. Она моргнула, потом посмотрела на Клая.

– Вы… меня ударили. – Она подняла руку, коснулась пальцами быстро опухающей челюсти.

– Да, сожа… – начал Клай.

– Он, возможно, сожалеет, а я – нет. – Голос Тома звучал с прежней холодностью. – Вы терроризировали нашу подопечную.

Толстуха засмеялась, но в глазах стояли слезы.

– Подопечную! Как только это не называли, но вот такое слышу впервые. Как будто я не знаю, что такие мужики, как вы, хотите от такой нежной девушки, как она, особенно в такие времена. «И не раскаялись они в прелюбодеяниях своих, содомии своей, в…»

– Заткнись, – оборвал ее Том, – а не то тебе врежу я. И не буду сдерживать удар в отличие от моего друга, которому, я думаю, повезло, и он не вырос среди таких вот набожных Ханн и не знает вашей сущности. Я предупредил – только еще вякни. – Его кулак закачался у нее перед глазами, и хотя Клай уже пришел к выводу, что Том – образованный человек

и в обычной жизни не привык махать кулаками, он не мог не почувствовать тревоги при виде этого маленького, но крепко сжатого кулака, который выглядел для него символом надвигающегося века.

Толстуха смотрела на кулак и молчала. По нарумяненной щеке скатилась одна большая слеза.

– Хватит, Том, – подала голос Алиса. – Я в порядке.

Том бросил пластиковый пакет с пожитками толстухи ей на колени. Клай даже не заметил, что Том успел подхватить пакет, когда толстуха выпустила его из руки. Потом взял Библию у Алисы, поднял пухлую, в кольцах, руку женщины, вложил в ладонь книгу, корешком вперед. Отвернулся, потом вновь посмотрел на женщину.

– Том, достаточно, пора идти, – поддержал Алису Клай.

Том его проигнорировал. Наклонился к женщине, которая сидела, прислонившись спиной к стойке указателя. Руками он упирался в колени, и Клаю эта парочка (женщина-толстуха в очках, смотрящая вверх, и очкастый мужчина-коротышка, наклонившийся над ней, упираясь руками в колени) казалась какой-то идиотской пародией на ранние иллюстрации к романам Чарльза Диккенса.

– Мой тебе совет, сестра, – заговорил Том. – Полиция больше не будет охранять вас, как охраняла, когда ты и твои уверенные в своей правоте, ведомые Богом друзья проводили демонстрации у центров планирования семьи и клиники Эмили Кэткарт в Уолтэме…

– Эта фабрика абортов! – Она сплюнула и подняла Библию, словно хотела отразить удар.

Том ее не ударил, но мрачно усмехнулся.

– Я ничего не знаю насчет Сосуда безумия, но, безусловно, безумие бродит по миру в эту ночь. Хочешь, чтобы я выразился яснее? Львы выпущены из клеток, и ты, возможно, скоро выяснишь, что первыми они пожрут болтливых христиан. Сегодня, в три часа пополудни, кто-то отменил ваше право на свободу слова. Считай, что это совет мудреца. – Он посмотрел на Алису, на Клая, и Клай увидел, что верхняя губа под усиками чуть дрожит. – Можем идти?

– Да, – кивнул Клай.

– Вау, – воскликнула Алиса, когда они вновь зашагали к съезду на Салем-стрит, оставляя позади «ВИННЫЙ МАГАЗИН ГИГАНТСКИХ СКИДОК МИСТЕРА БИГА». – Ты вырос среди таких, как она?

– Моя мать и обе ее сестры ничем от нее не отличались, – ответил Том. – «Первая церковь Христа-искупителя Новой Англии». Они видели Иисуса своим личным спасителем, а церковь видела в них своих лохов.

– И где сейчас твоя мать? – спросил Клай.

Том коротко глянул на него.

– На небесах. Если только они не провели ее и с этим. Я вот уверен, что так оно и есть.

5

В нижней части съезда, у знака «СТОП» двое мужчин дрались из-за бочонка пива. Если бы Клаю задали соответствующий вопрос, он бы ответил, что бочонок этот скорее всего позаимствован из «ВИННОГО МАГАЗИНА ГИГАНТСКИХ СКИДОК МИСТЕРА БИГА». Теперь он лежал позабытый, помятый, сочащийся пеной у оградительного рельса, тогда как двое мужчин, оба мускулистые и оба в крови, лупили друг друга кулаками. Алиса тут же прижалась к Клаю, а Клай обнял ее, но что-то в этих драчунах скорее радовало, чем пугало. Оба были злыми, чего там, в ярости, но не безумными. Не то что люди в городе.

Одному из мужчин, лысому, в куртке «Кельтов»[38], удался отменный удар, разбивший противнику губы и уложивший на землю. Когда мужчина в куртке «Кельтов» двинулся на лежащего, тот отполз от него подальше, потом поднялся, продолжая пятиться. Сплюнул кровью. «Бери его, сучий потрох, – выговор у него был бостонский. – Надеюсь, ты им подавишься!»

Лысый в куртке «Кельтов» сделал вид, что сейчас бросится на него, и второй мужчина, развернувшись, побежал по съезду к шоссе 1. Куртка «Кельтов» уже начал нагибаться за своей добычей, когда увидел Клая, Тома и Алису, и тут же

[38] «Бостонские кельты» – профессиональная баскетбольная команда.

выпрямился. Их было трое на него одного, ему подбили глаз, кровь текла по щеке из надорванного уха, но Клай в слабом отсвете пожара в Ривере не видел страха на лице лысого. Его дедушка, подумал Клай, сказал бы, что чует ирландский дух, и, конечно же, вывод этот хорошо согласовывался с зеленым трилистником[39] на спине куртки.

– Чего уставились, вашу мать? – спросил он.

– Ничего… просто проходим мимо, если вы не возражаете, – миролюбиво ответил Том. – Я живу на Салем-стрит.

– Вы можете идти что на Салем-стрит, что в ад, мне без разницы, – пробурчал лысый мужчина в куртке «Кельтов». – Все еще свободная страна, не так ли?

– Сегодня? – переспросил Клай. – Слишком свободная.

Лысый обдумал его ответ и коротко хохотнул, но без особого веселья.

– Что, вашу мать, случилось? Кто-нибудь знает?

– Это мобильники, – ответила Алиса. – Они свели людей с ума.

Лысый поднял бочонок. Управлялся он с ним легко, развернул так, чтобы из пробитой дыры больше ничего не текло.

– Гребаные штуковины. Никогда с ними не связывался. Переходящие минуты[40]. Что за хрень?

---

[39] Трилистник – эмблема Ирландии. В Бостоне и его окрестностях велика прослойка людей, предки которых приехали в Америку из Ирландии.

[40] Тарифный план, при котором неиспользованные в этом месяце минуты переходят на следующий.

Клай не знал. Том, возможно, знал, у него-то мобильник был, но Том промолчал. Наверное, не хотел продолжать разговор с лысым, не самая, между прочим, плохая идея. Клай подумал, что лысый многим напоминает неразорвавшуюся гранату.

– Город горит? – спросил лысый. – Так?

– Да, – кивнул Клай. – Не думаю, что в этом году «Кельты» сыграют на «Флит»[41].

– Да и хрен с ними, – отмахнулся лысый. – Док Риверс[42] даже инвалидов не смог бы тренировать. – Он стоял, наблюдая за ними, с бочонком на плече, по щеке текла кровь. Но теперь воинственности в нем поубавилось, на лице читалась чуть ли не безмятежность. – Идите, куда шли. Но я бы не оставался надолго так близко от города. Станет хуже, пока дело не пойдет на лад. Во-первых, пожаров будет гораздо больше. Вы думаете, все, кто ломанулся на север, не забыли выключить газовую плиту? Я в этом сильно сомневаюсь.

Они двинулись дальше, но тут же Алиса остановилась. Указала на бочонок.

– Он ваш?

Лысый рассудительно посмотрел на нее.

– В такие времена кто знает, чье есть чье, булочка моя.

---

[41] «Флит-Центр» – основная спортивная арена Бостона, на которой проводят домашние матчи профессиональные баскетбольная и хоккейная команды города, соответственно «Кельты» и «Медведи».

[42] Риверс Гленн «Док» Энтон – известный игрок и тренер, тренирует «Бостонских Кельтов» с апреля 2004 г.

Прошлое тю-тю. Остается только настоящее и, возможно, будущее. Сегодня он мой, а если в нем что-нибудь останется, он, возможно, будет моим и завтра. Теперь идите. Поговорили и будя.

– Счастливо. – Клай вскинул руку.

– Не хотел бы я быть тобой, – ответил лысый без тени улыбки, но тоже вскинул свободную руку. Они миновали знак «СТОП» и перешли на противоположную сторону, как предположил Клай, Салем-стрит, когда лысый крикнул вслед: – Эй, красавчик!

Оба, Клай и Том, обернулись, потом посмотрели другу на друга, их губы разошлись в непроизвольной улыбке. Лысый с бочонком превратился в темный силуэт на поднимающемся к шоссе пандусе. Он мог бы быть и пещерным человеком с дубинкой на плече.

– Где теперь эти психи? – спросил лысый. – Вы же не скажете, что они все передохли, так? Потому что я в это ни хрена не поверю.

– Это очень хороший вопрос, – ответил Клай.

– Ты прав, твою мать, очень хороший. Береги эту маленькую булочку, – и, не дожидаясь ответа, мужчина, который победил в битве за бочонок пива, повернулся и растворился в темноте.

6

– Вот он, – сказал Том десятью минутами позже, и луна вдруг выскользнула из-за дыма и облаков, которые скрывали ее последний час или около того, словно этот коротышка в очках и с усиками дал команду небесному осветителю. Ее лучи, теперь серебристые, а не болезненно-оранжевые и ужасные, осветили дом, темно-синий, зеленый, а может, и серый. Без уличных фонарей определить цвет не представлялось возможным. Одно Клай мог сказать наверняка: дом ухоженный и симпатичный, хотя, возможно, и не такой большой, каким виделся с первого взгляда. Такому оптическому обману, конечно же, способствовал лунный свет, но еще больше – ступени, которые поднимались от аккуратно подстриженной лужайки к единственному на улице крыльцу с колоннами. Слева над крышей высилась сложенная из плитняка труба. Поверх крыльца на улицу смотрело слуховое окно.

– Том, он прекрасен. – Голос Алисы звучал слишком уж надрывно. Клай решил, что причина – крайняя усталость и близость к истерике. Сам-то он не считал дом прекрасным, но, безусловно, выглядел он как дом человека, у которого есть как сотовый телефон, так и все прочие прибамбасы двадцать первого века. Точно так же выглядели и остальные дома этой части Салем-стрит, и Клай сомневался, что многие

из их обитателей разделили фантастическую удачу Тома. Он нервно огляделся. Все дома стояли темными – электричество отключилось… и, возможно, пустовали, да только он чувствовал следящие за ними глаза.

Глаза безумцев? Мобилопсихов? Он подумал о женщине во «властном костюме» и фее Светлой; о психе в серых брюках и рубашке с галстуком, превратившимся в лохмотья; о мужчине в деловом костюме, который откусил собаке ухо. Подумал о голом бегуне, протыкающем воздух автомобильными антеннами. Нет, слежка в арсенал мобилопсихов не входила. Они просто бросались на тебя. Но если в этих домах прятались нормальные люди… хотя бы в некоторых… куда тогда подевались мобилопсихи?

Этого Клай не знал.

– Не знаю, считаю ли я его прекрасным, – ответил Том, – но он стоит, где стоял, и мне этого достаточно. Я уже смирился с тем, что, придя сюда, мы найдем дымящееся пожарище. – Он сунул руку в карман и достал брелок с несколькими ключами. – Добро пожаловать, будьте как дома и все такое.

Они двинулись по дорожке, но не прошли и десяти шагов, как Алиса крикнула: «Подождите!»

Клай развернулся, ощущая как тревогу, так и крайнее утомление. Похоже, начал понимать, что чувствуют солдаты, которым приходится сражаться, не зная отдыха. Даже его адреналин, и тот начал уставать. Но позади никого не было,

ни мобилопсихов, ни лысого мужчины с кровью на щеке, текущей из надорванного уха, ни даже пожилой толстухи, вещающей об Апокалипсисе. Только Алиса, опустившаяся на одно колено в том месте, где дорожка, ведущая к дому Тома, отходила от тротуара.

– Что там, сладенькая? – спросил Том.

Она выпрямилась, и Клай увидел, что она держит в руке очень маленькую кроссовку.

– Это «беби найк»[43], – ответила она. – У тебя…

Том покачал головой.

– Я живу один. Если не считать Рафа. Он думает, что он – король, но на самом деле всего лишь кот.

– Тогда кто оставил ее? – Взгляд полных удивления, усталых глаз переместился с Тома на Клая.

Клай пожал плечами.

– Кто знает, Алиса. Можешь смело ее выбрасывать.

Но Клай знал, что кроссовку она не выбросит. И это ощущение deja vu[44] более всего дезориентировало его. Она по-прежнему держала кроссовку в руке, прижимая к груди, когда поднялась на крыльцо и встала позади Тома, который в темноте медленно перебирал ключи в поисках нужного.

Сейчас мы услышим кота, подумал Клай. *Рафа*. И точно, кот, который спас Тома Маккорта, приветственно замяукал

---

[43] «Беби найк» – линия кроссовок, разработанная и выпускаемая компанией «Найк» для малышей, которые только-только начали ходить.

[44] Deja vu – уже было (*фр.*).

по другую сторону двери.

7

Том наклонился, и Раф, или Рафер, сокращения от Рафаэля, прыгнул ему на руки, громко мурлыкая и вытягивая шею, чтобы обнюхать тщательно подстриженные усы Тома.

– Да, мне тоже недоставало тебя, – сказал Том. – Ты прощен, можешь мне поверить. – С Рафером на руках он вошел в дом, поглаживая его по голове. Алиса – за ним. Клай переступил порог последним, закрыл дверь, запер, заблокировал замок и лишь после этого догнал остальных.

– Следуйте за мной на кухню, – сказал Том, убедившись, что все в сборе. В доме стоял приятный запах полироли для мебели и, как подумал Клай, кожи – запах, ассоциирующийся с мужчинами, которые живут размеренной жизнью, и совсем не обязательно, чтобы среди составляющих этой жизни были женщины. – Вторая дверь направо. Держитесь ближе ко мне. Коридор широкий, на полу ничего нет, но с обеих сторон столики, а здесь темно, как у негра в шляпе. Сами видите.

– Образно говоря, – вставил Клай.

– Ха-ха.

– Электрические фонарики у тебя есть? – спросил Клай.

– И фонарики, и лампа Коулмана[45], которая еще лучше,

---

[45] Лампа (фонарь) Коулмана – лампа, в которой источником света является горящий сжиженный газ. Названа по фамилии Уильяма Коффина Коулмана (1870–

но сначала давайте доберемся до кухни.

Они двинулись по коридору, Алиса шагала между двух мужчин. Клай слышал ее учащенное дыхание. Она старалась сохранить хладнокровие в незнакомом месте, но давалось ей это с трудом. Черт, и ему было нелегко. Темнота не позволяла сориентироваться. Даже толика света очень бы помогла, но…

Коленом он ткнулся в один из столов, упомянутых Томом, и что-то на нем задребезжало, готовое разбиться. Клай зажал нервы в кулак, готовясь к грохоту и крику Алисы. В том, что она закричит, сомнений у него не было. Потом задребезжавшая штуковина, ваза или какая-то безделушка, решила, что ей еще рано превращаться в груду осколков, и осталась на месте. Однако они шли очень долго, прежде чем Том подал голос: «Все здесь? Берем вправо».

В кухне было практически так же темно, как и в коридоре, и Клай успел подумать о том, чего ему здесь недоставало, а Тому, должно быть, недоставало еще больше: зеленого свечения электронных часов на микроволновой печи, мягкого гудения холодильника, возможно, света в соседском доме, попадающего на кухню через окно над раковиной и оставляющего блики на кране.

– Вот стол, – раздался в темноте голос Тома. – Алиса, сейчас я возьму тебя за руку. Это стул, чувствуешь? Уж изви-

---

1957), ее изобретателя (первая модель появилась в 1901 г.) и создателя компании, которая эти лампы до сих пор и производит.

ните, если я говорю так, будто мы играем в страну слепых.

– Все нор… – начала она и тут же вскрикнула, заставив Клая подпрыгнуть. Рука легла на рукоятку его ножа (теперь он считал нож своим), прежде чем он успел осознать, что взялся за нож.

– Что такое? – резко спросил Том. – *Что?*

– Ничего, – ответила она. – Просто… ничего. Кот. Его хвост… по моей ноге.

– Ох. Извини.

– Все нормально. Так глупо, – добавила она с таким презрением к себе, что Клай поморщился.

– Перестань, Алиса. Не ругай себя. Просто в офисе выдался тяжелый денек.

– *В офисе выдался тяжелый денек!* – повторила Алиса и рассмеялась. Смех ее Клаю не понравился. Напомнил интонации голоса, когда она называла дом Тома прекрасным. *Она сейчас сорвется, и что мне тогда делать?* – подумал он. *В фильмах впавшая в истерику девушка получает хорошую оплеуху, которая сразу приводит ее в чувство, но в фильмах видно, где находится девушка*.

Ему не пришлось бить ее по лицу, трясти или обнимать (с последнего он бы, наверное, начал). Возможно, она услышала звучащую в своем голосе панику, ухватилась за нее, загнала в себя. В ее горле что-то булькнуло, она вдохнула, затихла.

– Садись, – сказал Том. – Ты наверняка устала. И ты, Клай.

А я разберусь со светом.

Клай нащупал стул, сел к столу, которого практически не видел, хотя его глаза должны были полностью приспособиться к темноте. Что-то легонько коснулось его брючины. Из-под стола донеслось тихое мяуканье. Раф.

– Ты представляешь? – Он повернулся к едва угадывающемуся в темноте силуэту девушки. Шаги Тома уже затихали. – Старина Рафер только что испугал и меня, – хотя и не испугал, ну совершенно не испугал.

– Мы должны его простить, – ответила Алиса. – Без этого кота Том свихнулся бы, словив Импульс, как и другие. И это было бы ужасно.

– Безусловно.

– Я так боюсь, – призналась Алиса. – Как думаешь, завтра будет лучше, при свете дня? Я насчет страха?

– Не знаю.

– Ты, должно быть, очень волнуешься из-за жены и своего маленького мальчика?

Клай вздохнул, потер лицо.

– Труднее всего примириться с беспомощностью. Мы сейчас живем врозь, знаешь ли… – Он замолчал и покачал головой. Не продолжил бы, если бы она не нашла его руку. Пальцы ее были твердыми и холодными. – Мы с весны живем врозь, но в одном маленьком городе. Моя мать назвала бы наши отношения «соломенной женитьбой». Моя жена – учительница в начальной школе.

Он наклонился вперед, стараясь разглядеть в темноте ее лицо.

– И знаешь, что самое ужасное? Случись все это годом раньше, Джонни был бы с ней. Но в этом сентябре он пошел в промежуточную школу, которая находится в пяти милях от города. Я все пытаюсь понять, успел ли он добраться домой до того, как мир свихнулся. Он и его друзья ездят в школу на автобусе. Я думаю, к трем часам он должен был вернуться домой. И я думаю, что он сразу пошел к ней.

Или достал свой мобильник из ранца и позвонил ей, радостно предположила крыса-паника… а потом укусила. Клай почувствовал, как напряглись его пальцы в руке Алисы, и заставил себя об этом не думать. Но пот все равно обильно выступал на лице и руках.

– Но ты этого не знаешь.

– Нет.

– У моего отца багетная мастерская и художественный салон в Ньютоне. Я уверена, с ним все в порядке, он из тех, кто полагается только на себя, но будет волноваться обо мне. Обо мне и моей… Моей… ты знаешь.

Клай знал.

– Я все думаю, что же он поел на ужин. Я знаю, это бзик, но он совершенно не умеет готовить.

Клай хотел спросить, а был ли у ее отца мобильник, но что-то подсказало ему обойтись без этого вопроса. И он задал другой:

– Ты немного успокоилась?

– Да, – ответила она, пожав плечами. – Если что с ним случилось, то уже случилось, и я ничего не могу изменить.

Лучше бы ты не произносила эти слова вслух, подумал Клай.

– У моего сына есть мобильник, я тебе это говорил? – Собственный голос ему самому напоминал воронье карканье.

– Да, говорил. Перед тем как мы пересекли мост.

– Понятно. – Он кусал нижнюю губу, но заставил себя отпустить ее. – Но он не всегда заряжает аккумулятор. Наверное, я говорил и об этом.

– Да.

– У меня просто нет возможности узнать, как они сейчас там. – Крыса-паника вырвалась из клетки. Принялась бегать и кусаться.

Теперь обе ее руки накрыли его ладонь. Он не хотел сдаваться утешению, которое она предлагала (ему было сложно ослабить хватку, в которой он держал себя, и сдаться на милость ее утешения), но он сдался, думая, что *дать* для нее важнее, чем для него – *взять*. Они так и сидели, переплетя руки рядом с подставкой для солонки и перечницы, за маленьким кухонным столом Тома Маккорта, когда Том вернулся из подвала с четырьмя ручными фонариками и коробкой с лампой Коулмана.

8

Лампа Коулмана давала достаточно света, чтобы они могли обойтись без фонариков. Свет был резким и белым, но Клаю нравилась его яркость, которая изгнала из кухни все тени, за исключением их собственных и кота. Все прочие прыгнули вверх по стене, словно украшения на Хэллоуин, вырезанные из черной гофрированной бумаги, и спрятались.

– Думаю, нам нужно зашторить окна, – сказала Алиса.

Том открывал один из пластиковых мешков из кафе «Метрополь» с надписью «ДЛЯ СОБАК» на одной стороне и «ДЛЯ ЛЮДЕЙ» – на другой. Он оторвался от своего занятия, с любопытством посмотрел на нее.

– Почему?

Она пожала плечами и улыбнулась. Клай подумал, что это самая странная улыбка, которую он когда-либо видел на лице девушки-подростка. Алиса смыла кровь с носа и подбородка, но под глазами темнели мешки усталости, а лампа Коулмана обесцвечивала остальную часть ее лица до мертвенной бледности, и улыбка, показавшая узенькую полоску поблескивающих зубов между дрожащих губ, на которых уже не осталось помады, дезориентировала взрослой искусственностью. Он подумал, что Алиса похожа на киноактрису из далеких 1940-х годов, играющую светскую даму на грани нервного срыва. Крошечная кроссовка лежала перед ней на

столе. Алиса крутила ее одним пальцем. Шнурки ударялись и постукивали. Клай начал надеяться, что она скоро сломается. Чем дольше ей удалось бы продержаться, тем мощнее была бы разрядка. Она, конечно, чуть-чуть стравила давление, но самую малость. Пока из всех троих в ней накопилось самое большое напряжение.

– Не думаю, что люди должны знать о нашем присутствии здесь, вот и все, – ответила она. Вертанула кроссовку, которую назвала «беби найк». Она вращалась. Шнурки ударялись и постукивали о полированную поверхность кухонного стола Тома. – Мне кажется, это может быть… плохо.

Том посмотрел на Клая.

– Она, пожалуй, права, – согласился с Алисой Клай. – Мне не нравится, что во всем квартале свет горит только у нас, пусть даже окна выходят во двор.

Том поднялся и молча задвинул занавески окна над раковиной.

В кухне было еще два окна, и он задвинул занавески и на них. Направился обратно к столу, потом сменил курс, закрыл дверь в коридор. Алиса вращала перед собой «беби найк». В резком, безжалостном свете лампы Коулмана Клай видел, что кроссовка розово-пурпурная, такие цвета могли понравиться только ребенку. Кроссовка вращалась. Шнурки ударялись и постукивали. Том, хмурясь, смотрел на нее, когда садился, и Клай подумал: *Скажи ей, пусть уберет кроссовку со стола. Скажи ей, что не знаешь, где она могла побывать,*

и не хочешь, чтобы она лежала на твоем столе. Этого будет достаточно, чтобы нервы у нее сдали, а уж потом мы сможем начать бороться с ее истерикой. Скажи ей. Я думаю, она этого хочет. Я думаю, именно поэтому она это делает.

Но Том только достал сандвичи из пакета, с ростбифом и сыром, с ветчиной и сыром, и раздал их. Из холодильника он принес кувшин с ледяным чаем («Еще холодный», – сказал он) и положил коту остатки сырого гамбургера.

– Он этого заслуживает. – В голосе слышались извиняющиеся нотки. – А кроме того, с отключенным электричеством мясо быстро протухнет.

На стене висел телефонный аппарат. Клай снял трубку, исключительно для проформы, на этот раз не услышал даже непрерывного гудка. Телефонная линия была мертва, как… ну, как женщина во «властном костюме», рядом с парком Бостон Коммон. Он сел и принялся за сандвич. Проголодался, но желания есть не было.

Алиса положила свой на стол, откусив три раза.

– Не могу. Сейчас не могу. Наверное, слишком устала. Хочу пойти спать. И хочу избавиться от этого платья. Полагаю, помыться мне не удастся, во всяком случае, как следует, но я готова на все, лишь бы выбросить это гребаное платье. Оно воняет потом и кровью. – Она вертанула кроссовку, которая закружилась рядом с мятой бумагой, на которой лежал ее едва начатый сандвич. – И оно пахнет моей матерью. Ее ду-

хами.

Какое-то мгновение все молчали. Клай просто потерял дар речи. Представил себе Алису, скинувшую с себя платье, в белых трусиках и бюстгальтере, с широко раскрытыми, вылезающими из орбит глазами, придающими ей сходство с бумажной куклой. Воображение художника, всегда точное в деталях и всегда готовое услужить, добавило бирки – полоски бумаги[46] на плечах и нижней части ног. «Картинка» получилась шокирующей не из-за сексуальности, а в силу ее отсутствия. Вдалеке, шум едва донесся до них, что-то взорвалось.

Том нарушил молчание, за что Клай мог его только поблагодарить:

– Готов спорить, одна пара моих джинсов отлично тебе подойдет, если ты подвернешь штанины на манер манжет. – Он встал. – Знаешь, я думаю, ты будешь даже очень изящно в них смотреться, как Гек Финн в спектакле «Большая река», поставленном в женской школе. Пойдем наверх. Я приготовлю тебе одежду на утро, а потом отправлю тебя в спальню для гостей. Пижам у меня достаточно, просто море пижам. Тебе нужен «Коулман»?

– Я… думаю, фонарика хватит. Так я могу идти спать?

– Да. – Он взял один фонарик себе, второй передал Алисе. Похоже, хотел что-то сказать насчет маленькой кроссовки,

---

[46] За эти полоски на вырезанные из журналов бумажные фигурки цепляется надеваемая на них бумажная же одежда.

когда она забрала ее со стола, но передумал. Сказал другое: – Ты сможешь и помыться. Воды много не будет, но сколько-то из кранов вытечет даже с отключенным электричеством. Я уверен, мы можем позволить себе набрать раковину воды. – Поверх ее головы он посмотрел на Клая. – В подвале у меня всегда ящик с питьевой водой, так что от жажды мы не умрем.

Клай кивнул.

– Спокойной ночи, Алиса.

– И тебе того же, – рассеянно ответила она, потом добавила, еще более рассеянно: – Приятно было с тобой познакомиться.

Том открыл перед ней дверь. Лучи фонарей заплясали в коридоре. Потом дверь закрылась. Клай услышал их шаги на лестнице, потом над головой. Услышал, как бежит вода. Ждал урчания воздуха в трубах, но вода перестала течь раньше. Раковину, сказал Том, столько воды она и получила. Клай тоже был в пыли и крови, которые ему хотелось смыть (как и Тому, полагал он), но он предположил, что на первом этаже тоже есть ванная, и если Том аккуратен во всем, а в этом, похоже, сомневаться не приходилось, то вода в унитазе наверняка будет чистой. И, разумеется, вода была и в сливном бачке.

Рафер прыгнул Тому на колени и начал вылизывать лапы в белом свете лампы Коулмана. Несмотря на низкое шипение лампы, Клай слышал, как мурлычет кот. Для Рафа жизнь по-

прежнему была медом.

Он подумал об Алисе, вращающей крошечную кроссовку, и задался вопросом, может ли пятнадцатилетняя девочка испытать нервный срыв.

– Не глупи, – сказал он коту. – Конечно же, может. Такое случается постоянно. На эту тему каждую неделю снимают фильм.

Рафер смотрел на него зелеными мудрыми глазами и продолжал вылизывать лапу. «Скажи мне больше, – вроде бы говорили эти глаза. – Тебя били, когда ты был р-р-ребенком? У тебя возникали сексуальные мысли о твоей матер-р-ри?»

Оно пахнет моей матерью. Ее духами.

Алиса – бумажная кукла с бирками на плечах и ногах.

«Не говор-р-ри ер-р-рунду, – казалось, читал он в зеленых глазах Рафера. – Бир-р-рки на одежде, не на куклах. Что ты за художник?»

– Безработный художник, – ответил он. – А теперь заткнись, хорошо? – Он закрыл глаза, но от этого стало только хуже. Теперь зеленые глаза Рафера, лишившись тела, плавали в темноте, как глаза Чеширского кота Льюиса Кэрролла: «Мы тут все сумасшедшие, дорогая Алиса». И на ровное шипение лампы Коулмана по-прежнему накладывалось мурлыканье Рафера.

9

Том отсутствовал пятнадцать минут. Когда вернулся, бесцеремонно сбросил Рафа со своего стула и отхватил большущий кусок сандвича.

– Она спит, – сообщил Том. – Переоделась в мою пижаму, пока я ждал в коридоре, а потом мы вместе выбросили платье в мусорное ведро. Думаю, она заснула через сорок секунд после того, как ее голова коснулась подушки. Выбросив платье, она подвела под днем черту, я в этом уверен. – Пауза. – Оно действительно ужасно пахло.

– Пока тебя не было, я выдвинул Рафа в президенты Соединенных Штатов. Его избрали без голосования, на основании всеобщего одобрения.

– Хорошо, – кивнул Том. – Мудрый выбор. И чьим одобрением он заручился?

– Миллионов. Всех, кто еще остался в здравом уме. Они послали мыслебюллютени. – Клай широко раскрыл глаза и постучал себя по виску. – Я могу читать *мы-ы-ы-ы-с-с-сли!*

Том перестал жевать, начал снова… но медленно.

– Знаешь, с учетом ситуации, это совсем не забавно.

Клай вздохнул, отпил ледяного чая, заставил себя откусить кусок сандвича. Сказал себе, что должен думать о сандвиче как о топливе для тела, если только так и можно доставить его в желудок.

– Да. Пожалуй, не забавно. Извини.

Том чокнулся с ним стаканом, прежде чем выпить чая.

– Все нормально. Я ценю стремление поднять наш боевой дух. Слушай, а где твой портфель?

– Оставил на крыльце. Хотел, чтобы обе руки были свободными, когда мы проходили коридором смерти Тома Маккорта.

– Тогда с ним все в порядке. Слушай, Клай, я сожалею, что все так вышло с твоей семьей.

– Пока не сожалей. – Голос Клая немного осип. – Пока еще не о чем сожалеть.

– Но я рад, что наткнулся на тебя. Вот что я хотел сказать.

– И я могу сказать тебе то же самое. Я понимаю, как важно найти спокойное место, где можно провести ночь. И я уверен, Алиса это тоже понимает.

– Оно спокойное, пока в Молдене ничего не взрывается и не горит.

Клай кивнул, улыбнулся одними губами.

– Пока. Ты взял у нее эту кроссовку?

– Нет. Она улеглась с ней в кровать, как… ну, не знаю, с плюшевым медвежонком. Завтра ей полегчает, если она проспит всю ночь.

– Думаешь, проспит?

– Нет, – ответил Том. – Но если она проснется в испуге, я проведу ночь с ней. Если нужно, в одной кровати. Ты знаешь, я ей не опасен, так?

– Да. – Клай знал, что и он ей не опасен, но понял, о чем толковал Том. – Завтра утром я собираюсь уйти на север, как только рассветет. Возможно, будет неплохо, если ты и Алиса пойдете со мной.

Том задумался, потом спросил:

– А как же ее отец?

– Она же говорит, что он, цитата, «из тех, кто полагается только на себя». И тревожилась она только по одному поводу: что он съест на обед, раз не умеет готовить? Из этого я понял, что его судьба не так уж ее и волнует. Разумеется, мы должны спросить, что она думает по этому поводу, но я бы предпочел оставить ее с нами и не хочу идти на запад, в эти промышленные городки.

– Ты вообще не хочешь идти на запад.

– Не хочу, – признал Клай.

Он подумал, что Том начнет с ним спорить, и ошибся.

– Как насчет этой ночи? – спросил Том. – Ты думаешь, нам нужно организовать дежурство?

До этого момента такие мысли не приходили Клаю в голову.

– Не думаю, что от этого будет какая-то польза. Если обезумевшая толпа ворвется на Салем-стрит, размахивая оружием и факелами, что мы сможем с этим поделать?

– Спуститься в подвал?

Клай задумался. Отступление в подвал казалось ему последним шагом, вариант «Бункер», но его не следовало ис-

ключать: гипотетическая обезумевшая толпа могла решить, что в доме никого нет, и проследовать дальше. Все лучше, чем смерть на кухне, предположил он. Возможно, после того, как у нас на глазах пустят по кругу Алису.

До этого не может дойти, сказал он себе, но без должной уверенности. *Ты теряешься в гипотетических версиях, вот и все. Сам себя пугаешь. До этого не может дойти*.

Да только Бостон сгорал дотла у них за спинами. Винные магазины грабили, а мужчины избивали друг друга в кровь из-за алюминиевого бочонка с пивом. До этого уже дошло.

Том тем временем наблюдал за ним, не мешая делать выводы… и сие означало, что сам Том к этим выводам уже пришел. Раф прыгнул к нему на колени. Том положил сандвич на стол и погладил кота по спине.

– Вот что я тебе скажу. – Клай посмотрел на Тома. – Если у тебя есть пара одеял, в которые я смогу завернуться, почему бы мне не провести ночь на твоем крыльце? Оно закрытое, там темнее, чем на улице. Из этого следует, что я увижу тех, кто приблизится к нему, задолго до того, как они заметят меня. Особенно если придут мобилопсихи. Мне не показалось, что в маскировке они спецы.

– Нет, эти точно подкрасться не сумеют. А если люди зайдут через кухню? Линн-авеню проходит всего в квартале.

Клай пожал плечами, стараясь показать, что они не смогут организовать круговую оборону, да и оборону вообще, не говоря об этом вслух.

– Ладно. – Том откусил от сандвича еще кусок, дал Рафу ветчины. – Но в три часа мы можем поменяться местами. Если Алиса к тому времени не проснется, возможно, она будет спать до утра.

– Давай не будем загадывать, посмотрим, как все пойдет. Слушай, думаю, я и сам знаю ответ, но… оружия у тебя нет, так?

– Нет, – подтвердил Том. – Нет даже баллончика с «Мейсом»[47]. – Он посмотрел на недоеденный сандвич, положил на стол. Когда поднял глаза на Клая, их переполняла печаль. Заговорил тихим голосом, словно собрался поделиться большим секретом: – Ты помнишь, что сказал коп перед тем, как застрелить того безумца?

Клай кивнул. «Эй, дружище, как дела? Я хочу сказать, что с тобой такое?» Этого он не забыл бы до конца своих дней.

– Я знал, что в жизни будет не так, как в кино, – прошептал Том, – но не подозревал, что у пули такая пробивная сила… плюс внезапность… и этот звук, когда содержимое… содержимое его головы…

Внезапно он наклонился вперед, прижимая маленькую руку ко рту. Это движение напугало Рафера, и кот спрыгнул на пол. Из Тома исторглись три глухих горловых звука, и Клай напрягся, приготовившись к тому, что за звуками по-

---

[47] «Мейс» – товарный знак слезоточивого газа, применяемого для самообороны, а также полицией против участников уличных беспорядков. Вызывает головокружение, потерю двигательных функций и т. д.

следует струя блевотины. Ему оставалось только надеяться, что он не начнет блевать сам, но думал, что такое очень даже возможно. Он знал, как близко к этому подошел – от черты, за которой началась бы неудержимая рвота, его отделяло совсем ничего. Потому что он знал, о чем говорил Том. Выстрел, а потом выплеснувшаяся на асфальт мокрая вязкая субстанция.

Но рвоты не последовало. Том взял желудок под контроль, уставился в потолок повлажневшими глазами.

– Извини. Не стоило говорить об этом.

– Не за что тебе извиняться.

– Я думаю, если мы хотим через все это пройти, то должны найти способ отрастить толстую кожу. Я думаю, те, кто не сможет этого сделать… – Он замолчал, потом продолжил: – Я думаю, те, кто не сможет этого сделать… – вновь замолчал и лишь на третий раз сумел закончить фразу: – Я думаю те, кто этого не сделает, могут умереть.

И они посмотрели друг на друга в ярком белом свете лампы Коулмана.

10

– После того как мы покинули город, я не увидел ни одного человека с оружием, – поделился своими наблюдениями Клай. – Поначалу я не смотрел, но потом начал высматривать вооруженных людей.

– Ты знаешь почему, не так ли? Во всей стране, за исключением, возможно, Калифорнии, в Массачусетсе самые строгие законы, оговаривающие владение и ношение оружия.

Несколько лет назад Клай видел на границе штата рекламные щиты, утверждающие то же самое. Потом их заменили другими, сообщающими, что водителю, у которого зафиксировано алкогольное или наркотическое опьянение, первую после ареста ночь предстоит провести в тюрьме.

– Если копы находят в твоем автомобиле спрятанный пистолет или револьвер, скажем, в бардачке, вместе с регистрационным талоном и страховой карточкой, ты можешь угодить за решетку, думаю, лет на семь, – продолжил Том. – Если тебя останавливают, а в кабине твоего пикапа заряженный карабин или ружье, даже в охотничий сезон, ты можешь получить штраф в десять тысяч долларов и два года общественных работ. – Он взял со стола недоеденный сандвич, осмотрел его, положил на место. – Ты можешь иметь пистолет или револьвер и хранить его дома, если ты не преступ-

ник, но лицензия на ношение оружия? Возможно, если за тебя поручится отец О'Молли[48] из «Мальчишеского клуба», но не обязательно.

– Отсутствие оружия помогло спасти несколько жизней среди тех, кто ушел из города.

– Полностью с тобой согласен. Эти два парня, которые подрались из-за бочонка пива. Слава Богу, ни у одного не было револьвера тридцать восьмого калибра.

Клай кивнул.

Том откинулся на спинку стула, скрестил руки на узкой груди, огляделся. Его очки поблескивали. Круг света, отбрасываемого лампой Коулмана, был ярким, но маленьким.

– А вот сейчас я бы не отказался от пистолета, – добавил Том. – Даже после того, как увидел, что он может сделать с человеком. И я считаю себя пацифистом.

– Давно ты здесь живешь, Том?

– Примерно двенадцать лет. Достаточно долго, чтобы увидеть, как Молден прошел долгий путь, превращаясь в Говновилл. До конечной точки еще не добрался, но она уже близка.

– Ладно, давай об этом подумаем. У кого из твоих соседей может быть оружие в доме?

Том ответил мгновенно:

– У Арни Никерсона. Он живет на противоположной стороне улицы, в трех домах левее от меня. На бампере «камри»

---

[48] Отец О'Молли – главный герой фильма «Идти своим путем» (1944), наставлявший трудных подростков на путь истинный.

наклейка «НСА»[49] вместе с двумя переводными картинками «желтая ленточка»[50] и старой наклейкой «Буш-Чейни».

– Дальше можно ничего не…

– И две наклейки «НСА» на пикапе, к которому он цепляет домик-прицеп в ноябре и отправляется на охоту в твою часть света.

– А мы счастливы получить деньги, которые он платит за лицензию на право охоты в нашем штате, – сказал Клай. – Давай завтра вломимся к нему в дом и заберем оружие.

Том Маккорт посмотрел на него, как на сумасшедшего.

– Этот человек – не параноик, как некоторые типы из народной армии в Юте, я хочу сказать, он живет в Налогочусетсе, но у него в доме стоит охранная сигнализация с табличками на лужайке «ХОЧЕШЬ ИСПЫТАТЬ СВОЮ УДАЧУ, ГОВНЮК?». И я уверен, что ты знаком с заявленной политикой «НСА» насчет попытки изъять у них оружие.

– Как я понимаю, от него придется отрывать их холодные, мертвые пальцы…

---

[49] «НСА» – Национальная стрелковая ассоциация, влиятельная общественная организация, основанная еще в XIX в. Активно борется за право граждан иметь оружие.

[50] Желтая ленточка символизирует поддержку вооруженных сил США.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.